

- - [Житие преп. Антония Великого](#)
    - [Предисловие](#)
    - [Житие преп. Антония Великого](#)
- [Примечания](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)

Введение

Житие преп. Антония Великого

Предисловие

В доброе соревнование с египетскими иноками вступили вы, пожелав или сравняться с ними, или даже превзойти их своими подвигами в добродетели. Ибо и у вас уже появляются монастыри, и водворяются иноки. Посему, такое расположение ваше достойно похвалы и того, чтобы усовершил его [Бог](#) по молитвам вашим. Поскольку же и у меня требовали вы сведений о житии блаженного Антония, и, чтобы самим вам приобрести его ревность, пожелали вы знать, как начал он свою подвижническую жизнь, каким был до вступления в нее, какой имел конец жизни, и справедливо ли все о нем рассказываемое, то с великой готовностью принял я ваше требование, потому что и для меня много пользы в одном воспоминании об Антонии, да и вы, как уверен я, услышав о нем и подивившись ему, пожелаете устремиться к той же цели, какая и им была предположена. Ибо жизнь Антония — для иноков достойный образец подвижничества. Поэтому, не почитайте невероятным то, что рассказывали вам об Антонии, а паче, оставайтесь в той мысли, что пока лишь немногое услышано вами, ибо и это малое, без сомнения, трудно было пересказать вам. Если и я, по просьбе вашей, опишу что в этом послании, то сообщу вам опять-таки только немногое, что припомню об Антонии. И вы не переставайте спрашивать у всякого, кто плывет отсюда. Ибо из рассказов каждого о том, что кто знает, составитя, может быть, и полное повествование об Антонии. Так и я, получив послание ваше, намеревался вызвать некоторых иноков, особливо же тех, которые чаще других бывали при нем, чтобы, получив более сведений, и вам сообщить что-либо более полное. Но поскольку время плавания приходило к концу и отправляющийся с письмами спешил, то потщился я написать Вашему Благоговению, что знаю об Антонии сам, многократно видя его, и какие сведения мог приобрести о нем, когда был его учеником и возливал воду на руки ему. Во всем же заботился я об истине, чтобы иной, услышав больше, чем надлежит, не впал в неверие, или, узнав меньше, чем должно, не стал с неуважением думать об этом.

Житие преп. Антония Великого

1. Антоний родом был египтянин. Поскольку родители его, люди благородные и довольно богатые, были христиане, то и он воспитан был по-христиански и в детстве рос у родителей, не зная ничего иного, кроме них и своего дома. Когда же стал отроком и преспевал уже возрастом, не захотел ни учиться грамоте, ни сближаться с другими отроками, но имел единственное желание, как человек нелукав, по написанному об Иакове, жить в доме своем ([Быт. 25:27](#)). Между тем ходил он с родителями в храм Господень и не ленился, когда был малым отроком, не сделался небрежным, когда стал уже возрастать, но покорен был родителям, и внимательно слушая читаемое в храме, соблюдал в себе извлекаемую из того пользу. Воспитываемый в умеренном достатке, он не беспокоил родителей требованием разнообразных и дорогих яств, не искал услаждения в снедах, но довольствовался тем, что было, и ничего больше не требовал.

2. По смерти родителей остался он с одной малолетней сестрой, и будучи восемнадцати или двадцати лет от роду, сам имел попечение и о доме, и о сестре. Но не минуло еще шести месяцев по смерти его родителей, когда он, идя по обычаю в храм Господень и собирая воедино мысли свои, на пути стал размышлять о том, как Апостолы, оставив все, пошли во след Спасителю, как упоминаемые в Деяниях верующие, продавая все свое, приносили и полагали к ногам Апостольским для раздаяния нуждающимся, какое имели они упование и какие воздаяния уготованы им на небесах. С такими мыслями входит он в храм. В чтенном тогда Евангелии слышит он слова Господа к богатому: аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим, и имети имаши сокровище на небеси и гряди в след Мене ([Мф. 19:21](#)). Антоний, приняв это за напоминание свыше, как если бы для него именно было это чтение, выходит немедленно из храма и все, что имел во владении от предков (было же у него триста арур¹ весьма хорошей, плодоносной земли), дарит жителям своей веси, чтобы ни в чем не беспокоили ни его, ни сестру, а все прочее движимое имущество продает и, собрав довольно денег, раздает их нищим, оставив немного для сестры.

3. Но как скоро, вошедши опять в храм, услышал, что Господь говорит в Евангелии: не пецытеся на утrey ([Мф. 6:34](#)), ни на минуту не остается в храме, идет вон и остальное отдает людям неимущим; сестру определяет на воспитание в обитель поручив известным ему и верным девственницам, сам же перед домом своим начинает наконец упражняться в подвижничестве, внимая себе и пребывая в терпении. В Египте немногочисленны еще были монастыри, и инок вовсе не знал великой пустыни, всякий же из намеревавшихся внимать себе подвизался, уединившись неподалеку от своего селения. Поэтому, в одном ближнем селении был тогда старец, с молодых лет проводивший уединенную жизнь. Антоний, увидев его, поревновал ему в добром деле и сначала стал уединяться в местах, лежащих близ селения. И если слышал там о каком рачителе добродетели, шел, отыскивал его, как мудрая пчела, и не прежде возвращался в место свое, как увидевшись с ним. Когда же получал от него некоторое напутствие для шествования стезею добродетели, шел к себе. Так проводя там первоначально жизнь, Антоний наблюдал за своими помыслами, чтобы не возвращались к воспоминанию о родительском имуществе и о сродниках. Все желания устремлял, все тщание прилагал к трудам подвижническим. Работал собственными своими руками, слыша, что праздный ниже да яст ([2 Сол. 3:10](#)), и часть издерживал на хлеб себе, иное же на нуждающихся. Молился он часто, зная, что должно наедине молиться непрестанно ([1 Сол. 5:17](#)), и столь был внимателен к читаемому, что ни одно слово Писания не падало у него на землю, но все удерживал он в себе, почему, наконец, память заменила ему книги.

4. Так вел себя Антоний и был любим всеми. Ревнителям же добродетели, к которым ходил

он, искренне подчинился и в каждом изучал, чем особенно преимуществовал тот в тщательности и в подвиге: в одном наблюдал его приветливость, в другом неутомимость в молитвах; в ином замечал его безгневие, в другом человеколюбие; в одном обращал внимание на его неусыпность, в другом на его любовь к учению; кому удивлялся за его терпение, а кому за посты и возлежания на голой земле; не оставлял без наблюдения и кротости одного и великодушия другого; во всех же обращал внимание на благочестивую веру во Христа и на любовь друг к другу. Так, с обильным приобретением возвращался на место собственного своего подвижничества, сам в себе сочетавая воедино то, что заимствовал у каждого, и стараясь в себе одном явить преимущества всех. А с равными ему по возрасту не входил в состязание, разве только чтобы не отставать от них в совершенстве. И делал это так, что никого не оскорблял, но и те, с кем состязался, радовались о нем. Поэтому, все жители селения и все добротолубцы, с которыми был он знаком, видя такую жизнь его, называли его боголюбивым и любили его, одни — как сына, другие — как брата.

5. Но ненавистник добра завистливый диавол, видя такое расположение в юном Антонии, не потерпел этого, но как привык действовать, так намеревается поступить и с ним. Сперва покушается он отвлечь Антония от подвижнической жизни, приводя ему на мысль то воспоминание об имуществе, то заботливость о сестре, то родственные связи, то сребролюбие, славолюбие, услаждение разными яствами и другие удобства жизни, то, наконец, жестокость пути добродетели и ее многотрудность, затем представляет ему мысленно и немощь тела, и продолжительность времени, и вообще, возбуждает в уме его сильную бурю помыслов, желая отвратить его от правого произволения. Когда же враг увидел немощь свою против Антониева намерения, паче же увидел, что сам поборается твердостью Антония, низлагается великой его верой, повергается в прах непрестанными молитвами, тогда, в твердой надежде на те свои оружия, яже на пупе чрева ([Иов 40:11](#)), и хвалясь ими (таковы бывают первые его козни против юных), наступает он и на юного Антония, смущая его ночью и столько тревожа днем, что взаимная борьба их сделалась приметной и для посторонних. Один влагал нечистые помыслы, другой отражал их своими молитвами; один приводил в раздражение члены, другой, по-видимому, как бы стыдясь сего, ограждал тело верой, молитвой и постами. Не ослабевал окаянный диавол, ночью принимал на себя женский образ, во всем подражал женщине, только бы обольстить Антония; Антоний же, помышляя о Христе и высоко ценя дарованное Им благородство и разумность души, угашал уголь сего обольщения. Враг снова представлял ему приятность удовольствий, а он, уподобляясь гневающемуся и оскорбленному, приводил себе на мысль огненное прещение и мучительного червя и, противопоставляя это искушению, оставался невредимым. Все же вместе служило к посрамлению врага. Возмечтавший быть подобным Богу осмеян был теперь юношей. Величающийся пред плотию и кровию низложен был человеком, носящим на себе плоть, потому что содействовал ему Господь, ради нас понесший на Себе плоть и даровавший телу победу над диаволом, почему каждый истинный подвижник говорит: не аз же, но благодать Божия, яже со мною ([1 Кор. 15:10](#)).

6. Наконец, поелику змий этот не возмог низложить этим Антония, а напротив того, увидел, что сам изгнан из сердца его, то, по написанному, поскрежещет нань зубы своими ([Пс. 36:12](#)) и как бы вне себя, каков он умом, таким является и по виду, именно же в образе черного отрока. И поелику низложен был этот коварный, то, как бы изъявляя покорность, не нападает уже помыслами, но говорит человеческим голосом: «Многих обольстил я и еще большее число низложил, но, в числе многих напав теперь на тебя и на труды твои, изнемог». Потом, когда Антоний спросил: «Кто же ты, обращавшийся ко мне с такою речью?» — тот, не таясь нимало, отвечал жалобным голосом: «Я — друг блуда, обязан уловлять юных в блуд, производить в них блудные разжжения и называюсь духом блуда. Многих, желавших жить целомудренно,

обольстил я; великое число воздержных довел до падения своими разжжениями. За меня и Пророк укоряет падших, говоря: духом блужения прельстишася ([Ос. 4:12](#)), потому что я был виновником их преткновения. Многократно смуцал я и тебя, но всякий раз был низложен тобою». Антоний же, возблагодарив Господа, небоязненно сказал врагу: «Поэтому и достоин ты великого презрения. Ибо черен ты умом и бессилен, как отрок. У меня нет уже и заботы о тебе. «Господь мне помощник, и аз воззрю на враги моя» ([Пс. 117:7](#))». Черный отрок, услышав это, немедленно с ужасом бежал от слов сих, боясь уже и приближаться к Антонию.

7. Такова была первая борьба Антония с диаволом; лучше же сказать, что и это в Антонии было действием силы Спасителя, осудившего [грех](#) во плоти, да оправдание закона исполнится в нас, не по плоти ходящих, но по духу ([Рим. 8:3-4](#)). Но и Антоний не пришел в нерадение и небрежение о себе от того, что демон уже побежден, и враг не перестал расставлять ему сети, как побежденный, но снова ходил как лев, ища удобного случая напасть на подвижника. Антоний же, зная из Писания, что много козней у врага ([Еф. 6:11](#)), неослабно упражнялся в подвигах, рассуждая, что если враг и не мог обольстить сердца его плотским удовольствием, то, без сомнения, покусится уловить иным способом, потому что демон грехолюбив. Посему-то Антоний паче и паче умерщвлял и поработал тело, чтобы, победив в одном, не уступить над собою победы в другом. Поэтому приемлет он намерение приобучить себя к более суровому житию; и многие приходили в удивление, видя труд его, а он переносил его легко. Душевная его ревность с течением времени стала уже добрым навыком, и потому он оказывал великую тщательность даже в самом малом, что усваивал от других. Столь неутомим он был во бдении, что часто целую ночь проводил без сна и, повторяя это не раз, но многократно, возбуждал тем удивление. Пищу вкушал однажды в день по захождении солнца, иногда принимал ее и через два дня, а нередко и через четыре. Пищею же служили ему хлеб и соль, а питием одна вода. О мясе и вине не стоит и говорить, потому что и у других рачительных подвижников едва ли встретишь что-либо подобное. Во время сна Антоний довольствовался рогожею, а большей частью возлегал на голой земле. Никак не соглашался умащать себя елеем, говоря, что юным всего приличнее быть ревностными к подвигу и не искать того, что расслабляет тело, но приучать его к трудам, содержа в мыслях Апостольское изречение: егда немощствую, тогда силен есмь ([2 Кор. 12:10](#)). Душевные силы, повторял он, тогда бывают крепки, когда ослабевают телесные удовольствия. Чудна подлинно и эта его мысль. Не временем, как полагал он, измерять должно путь добродетели и подвижническую ради нее жизнь, но желанием и произволением. По крайней мере, сам он не памятовал о прошедшем времени, но с каждым днем, как бы только полагая начало подвижничеству, прилагал вящший труд о преспеянии, непрестанно повторяя сам себе изречение Апостола Павла: задняя забывая, в предняя же простираяся ([Флп. 3:13](#)), и также припоминая слова пророка Илии, который говорит: жив Господь сил, Емуже предстою пред Ним днесь ([3 Цар. 18:15](#)). Ибо, по замечанию Антония, пророк, говоря «днесь», не прошедшее измеряет время, но, как бы непрестанно полагая еще только начало, старается каждый день представить себя таким, каким должен быть являющийся пред Бога, то есть чистым сердцем и готовым повиноваться не другому кому, но Божией воле. И Антоний повторял про себя, что в житии Илии, как в зеркале, подвижник должен всегда изучать собственную свою жизнь.

8. Так, изнуряя себя, Антоний удалился в гробницы, бывшие далеко²; от селения, поручив одному знакомому, чтобы время от времени приносил ему хлеб; сам же, войдя в одну из гробниц и заключив за собою дверь, остался в ней один. Тогда враг, не стерпя сего, даже боясь, что Антоний в короткое время наполнит пустыню подвижничеством, является к нему однажды ночью со множеством демонов и наносит ему столько ударов, что от боли остается он безгласно лежащим на земле. Как сам Антоний уверял, весьма жестоки были его страдания, и удары,

нанесенные людьми, не могли бы, по словам его, причинить такой боли. Но по Божию Промыслу (ибо Господь не оставляет без призрения уповающих на Него), на следующий день приходит тот знакомый, который приносил ему хлеб. Отворив дверь и увидев, что Антоний лежит на земле, как мертвый, взял и перенес его в храм, бывший в селении, и положил там на земле. Многие из сродников и из жителей селения окружили Антония, как покойника. Около же полуночи приходит в себя Антоний и, пробудившись, видит, что все спят, бодрствует лишь один его знакомый. Подозвав его к себе знаками, Антоний просит, чтобы никого не разбудив, взял и перенес его опять в гробницу.

9. Так Антоний был отнесен им, и, когда, по обычаю, дверь была заперта, снова остался один в гробнице. Не в силах еще стоять на ногах от нанесенных ему ударов он, молится лежа, по молитве же громко взывает: «Здесь я, Антоний, не бегая от ваших ударов. Если нанесете мне и еще большее число, ничто не отлучит меня от любви Христовой». Потом начинает петь: аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое ([Пс. 26:3](#)). Так думал и говорил подвижник. Ненавидящий же добро враг, дивясь, что Антоний осмелился прийти и после нанесенных ему ударов, сзывает псов своих и, разрываясь с досады, говорит: «Смотрите, ни духом блуда, ни побоями не усмирили мы его; напротив того, отваживается он противиться нам. Нападем же на него иным образом». А диавол не затрудняется в способах изъять свою злобу. Так и на этот раз ночью демоны производят такой гром, что, по-видимому, все то место пришло в колебание, и, как бы разорив четыре стены Антониева жилища, вторгаются, преобразившись в зверей и пресмыкающихся. Все место мгновенно наполнилось призраками львов, медведей, леопардов, волков, змей, аспидов, скорпионов, волков. Каждый из этих призраков действует соответственно наружному своему виду. Лев, готовясь напасть, рыкает; вол готов, по-видимому, забодать; змея не перестает извиваться; волк напрягает силы броситься. И все эти привидения производят страшный шум, выказывают лютую ярость. Антоний, поражаемый и уязвляемый ими, чувствует ужасную телесную боль, но тем паче, бодрствуя душою, лежит без трепета и, хотя стонет от телесной боли, однако же, трезвясь умом и как бы с насмешкой, говорит: «Ежели есть у вас сколько-нибудь силы, то достаточно было прийти и одному из вас. Но поелику Господь отнял у вас силу, то пытаетесь устрашить множеством. Уже то служит признаком вашей немощи, что обращаетесь в бессловесных». И с дерзновением присовокупляет: «Если можете и имеете надо мною власть, то не медлите и нападайте. А если не можете, то для чего мятетесь напрасно? Нам печатью и стеною ограждения служит вера в Господа нашего». Так демоны после многих покушений скрежетали только зубами на Антония, потому что более себя самих, нежели его, подвергали осмеянию.

10. Господь же не забыл при сем Антониева подвига и пришел на помощь к подвижнику. Возведя взор, видит Антоний, что кровля над ним как бы раскрылась, и нисходит к нему луч света. Демоны внезапно стали невидимы, телесная боль мгновенно прекратилась, жилище его оказалось ни в чем не поврежденным. И ощутив эту помощь, воздохнув свободнее, чувствуя облегчение от страданий, обращается он с молитвою к явившемуся видению, и говорит: «Где был Ты? Почему не явился вначале — прекратить мои мучения?» И был к нему голос: «Здесь пребывал Я, Антоний, но ждал, желая видеть твое ратоборство; и поелику устоял ты и не был побежден, то всегда буду твоим помощником и сделаю именитым тебя всюду». Услышав это, Антоний восстает и начинает молиться, и настолько укрепляется, что чувствует в теле своем более сил, чем было их прежде. Было же ему тогда около тридцати пяти лет.

11. В следующий день вышедши из гробницы и исполнившись еще большей ревности к богочестию, приходит он к упомянутому выше древнему старцу и просит его жить с ним в пустыне. Поскольку же старец отказался и по летам и по привычке к пустынной жизни, то Антоний, немедля, уходит один на гору. Но враг, видя опять его ревностное намерение и желая

воспрепятствовать этому, в мечтании представляет ему лежащее на пути большое серебряное блюдо. Антоний, уразумев хитрость ненавистника добра, останавливается и, глядя на блюдо, обличает кроющегося в призраке дьявола, говоря: «Откуда быть блюду в пустыне? Не большая эта дорога, нет даже и следов проходившего здесь. Если бы блюдо упало, не могло бы оно утаиться, потому что велико, потерявший воротился бы и, поискав, непременно нашел бы его, ибо место здесь пустынное. Дьявольская эта хитрость. Но не воспрепятствуешь этому твердому моему намерению, дьявол: блюдо сие с тобою да будет в погибель» ([Деян. 8:20](#)). И когда Антоний сказал это, оно исчезло, как дым ...от лица огня ([Пс.67:2](#)).

12. Потом идет он далее и видит уже не призрак, но настоящее золото, разбросанное на дороге. Врагом ли было оно положено, или иною высшею силою, которая и подвижнику давала случай испытать себя, и дьяволу показывала, что он вовсе не заботится об имуществе, — этого не говорил и Антоний, и мы не знаем; известно же одно то, что видимое им было золото. Антоний, хотя дивится его множеству, однако же, перескочив, как через огонь, проходит мимо, не обращая назад и до того ускоряет свое шествие, что место это потерялось и скрылось из вида. Так, более и более утверждаясь в исполнении своего намерения, стремился он на гору и, по другую сторону реки нашедши пустое огражденное место, от давнего запустения наполнившееся пресмыкающимися, переселяется туда и начинает там обитать. Пресмыкающиеся, как будто гонимые кем, тотчас удаляются. Антоний же, заградив вход и запасши на шесть месяцев хлебов (так запасают фивяне, и хлеб у них нередко в продолжение целого года сохраняется невредимым), воду же имея внутри ограды, как бы укрывшись в некое недоступное место, пребывает там один, и сам не выходя, и не видя никого из приходящих. Так, подвизаясь, провел он долгое время, лишь два раза в год принимая хлебы через ограду.

13. Приходящие к нему знакомые, поскольку он не позволял им входить внутрь ограды, нередко дни и ночи проводили вне ее; и слышат они, что в ограде как бы целые толпы мятутся, стучат, жалобно вопят и зывают: «Удались из наших мест, что тебе в этой пустыне? Не перенесешь наших козней». Стоящие вне подумали сначала, что с Антонием препираются какие-то люди, вошедшие к нему по лестницам; когда же, прикинув к скважине, не увидели никого, тогда, заключив, что это демоны, сами начали звать Антония, объятые страхом. И он скорее услышал слова последних, нежели обратил внимание на демонские вопли. Подойдя к двери, уговаривает пришедших удалиться и не бояться. «Демоны, — говорит он, — производят мечтания для устрашения боязливых. Посему, запечатлейте себя крестным знаменем и идите назад смело, демоны же пусть делают из себя посмешище». И пришедшие, оградившись знаменем креста, удаляются, а Антоний остается и не терпит ни малейшего вреда от демонов, даже не утомляется в подвиге, потому что учащение бывших ему горних видений и немощь врагов доставляют ему великое облегчение в трудах и возбуждают усердие к еще большим трудам. Знакомые часто заходили к нему, боясь найти его уже мертвым, но заставляли поющим: да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его вси ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут грешницы от лица Божия ([Пс. 67:2-3](#)); и еще: вси языцы обыдоша мя, и именем Господним противляхся им ([Пс. 117:10](#)).

14. Около двадцати лет провел так Антоний, подвизаясь в уединении, никуда не выходя и все это время никем не видимый. После же, поскольку многие домогались и желали подражать его подвижнической жизни, какие-то знакомые его пришли и силою разломали и отворили дверь. Исходит Антоний, как таинник и богоносец из некоего святилища, и приходящим к нему показывается в первый раз из своей ограды. И они, увидев Антония, исполняются удивления, что тело его сохранило прежний вид, не утучнело от недостатка движения, не иссохло от постов и борьбы с демонами. Антоний был таким же, каким знали его до отшельничества. В душе его

та же была чистота нрава; не был он скорбию подавлен, не пришел в восхищение от удовольствия, не предался ни смеху, ни грусти, не смутился, увидев толпу людей, не обрадовался, когда все стали его приветствовать, но пребыл равнодушным, потому что управлял им разум, и ничто не могло вывести его из обыкновенного естественного состояния. Господь исцелил чрез него многих страждущих телесными болезнями, иных освободил от бесов, даровал Антонию и благодать слова; утешил он многих скорбящих, примирил бывших в ссоре, внушая всем ничего в мире не предпочитать любви ко Христу и увещавая содержать в памяти будущие блага и человеколюбие к нам Бога, Иже Своего Сына не пощаде, но за нас всех предал есть Его ([Рим. 8:32](#)), убедил многих избрать иноческую жизнь, и, таким образом, в горах явились наконец монастыри; пустыня населилась иноками, оставившими свою собственность и вписавшимися в число жительствовающих на Небесах.

15. Когда для посещения братии необходимо было перейти водопроводный ров в Арсеное, полный крокодилов, Антоний лишь совершил молитву, после чего сам и все бывшие с ним вошли в ров и невредимыми перешли его. Возвратившись же в монастырь, упражняется он в прежних строгих трудах с юношеской бодростью и, часто беседуя, в монашествующих уже увеличивает ревность, в других же, и весьма многих, возбуждает любовь к подвижничеству. И вскоре, по силе удивительного слова его, возникают многочисленные монастыри, и во всех них Антоний, как отец, делается руководителем.

16. Однажды собрались к нему все монахи, чтобы услышать его слово. Антоний же вышел и на языке египтян³ сказал им следующее: «К научению достаточно и Писаний, однако же нам прилично утешать друг друга верою и умащать речью. Поэтому и вы, как дети, говорите отцу, что знаете, и я, как старший вас возрастом, сообщу вам, что знаю и что изведаль опытом». «Паче всего да будет у всех общее попечение о том, чтобы, начав, не ослабевать в деле, в трудах не унывать, не говорить: «Давно мы подвигаемся». Лучше, как начинающие только, будем с каждым днем приумножать свое усердие, потому что целая жизнь человеческая весьма коротка в сравнении с будущим веком; почему и все время жизни нашей пред жизнью вечной ничто. И хотя каждая вещь в мире продается за должную цену, и человек обменивает равное на равное, но обетование Вечной Жизни покупается за малую цену. Ибо написано: дние лет наших в нихже семьдесят лет, аще же в силах, осмьдесят лет, и множае их труд и болезнь ([Пс.89:10](#)). Посему, если и все восемьдесят, даже и сто лет пребудем в подвиге, то царствовать будем не равное ста годам время, но, вместо ста лет, воцаримся на веки веков и, подвизавшись на земле, примем наследие не на земле, но, по обетованиям, имеем его на Небесах; притом же, сложив с себя тленное тело, восприимем тело нетленное».

17. «Поэтому, дети, не будем унывать, что давно подвигаемся, или возноситься, будто сделали мы что-либо великое. Недостойны бо страсти нынешняго времени к хотящей славе явиться в нас ([Рим. 8:18](#)), и взирая на мир, не будем думать, что отреклись мы от чего-либо великого. Ибо и вся земля эта очень мала пред целым небом. Поэтому, если бы мы были господами над всею землею и отреклись от всей земли, то и это не было бы еще равноценно Небесному Царству. Как пренебрегают одной драхмой меди, чтобы приобрести сто драхм золота, так и тот, кто господин всей земли, когда отрекается от нее, то оставляет малость и приемлет стократно большее. Если же вся земля не равноценна Небесам, то оставляющий небольшие поля как бы ничего не оставляет. Если оставит он и дом или довольное количество золота, то не должен хвалиться или унывать». «Притом, должны мы рассудить, что если и не оставим сего ради добродетели, то оставим впоследствии, когда умрем, и оставим, как часто бывает, кому не хотели бы, как напоминал об этом Екклесиаст ([Еккл. 4:8](#)). Итак, почему же не оставить нам этого ради добродетели, чтобы наследовать за то Царство?» «Поэтому, никто из нас да не питает в себе желанья приобретать. Ибо какая выгода приобрести то, чего не возьмем

с собою? Не лучше ли приобрести нам то, что можем взять и с собою, как-то: благоразумие, справедливость, целомудрие, мужество, рассудительность, любовь, нищелюбие, веру во Христа, безгневие, страннолюбие? Эти приобретения уготовят нам пристанище в земле кротких прежде, нежели придем туда».

18. «Таковыми-то мыслями да убеждает себя каждый не лениться, наипаче же, если рассудит, что он Господень раб и обязан работать Владыке. Как раб не осмелится сказать: поскольку работал я вчера, то не работаю сегодня; и вычисляя протекшее время, не перестанет он трудиться в последующие дни, напротив же того — каждый день, по написанному в Евангелии, оказывает одинаковое усердие, чтобы угодить господину своему и не быть в беде: так и мы каждый день станем пребывать в подвиге, зная, что, если один день вознерадим, Господь не простит нас за упущенное время, но прогневается на нас за нерадение. Это мы слышим и у Иезекииля ([Иез. 18:24-26](#)). Так и Иуда за единую ночь погубил труд протекшего времени».

19. «Поэтому, чада, пребудем в подвиге и не предадимся унынию. Ибо в этом нам споспешник Господь, как написано: всякому, избравшему благое, Бог поспешествует во благое» ([Рим. 8:28](#)). «А для того, чтобы не лениться, хорошо содержать в мысли Апостольское изречение: по вся дни умираю ([1 Кор. 15:31](#)). Ибо, если будем жить, как ежедневно готовящиеся умереть, то не согрешим. Сказанное же Апостолом имеет тот смысл, что мы каждый день, пробуждаясь от сна, должны думать, что не доживем до вечера, и также, засыпая, должны представлять, что не пробудимся от сна, потому что мера жизни нашей нам неизвестна, и каждый день измеряется Промыслом. А при таком образе мыслей, так живя каждый день, не будем мы ни грешить, ни питать в себе какого-либо пожелания, ни гневаться на кого-нибудь, ни собирать себе сокровища на земле; но, как ежедневно ожидающие смерти, будем нестяжательны, и всякому станем все прощать. Никак не дадим овладеть нами плотскому вожделению или другому нечистому удовольствию, будем же отвращаться сего как преходящего, пребывая в непрестанном страхе и имея всегда пред очами день Суда. Ибо сильный страх и опасение мучений уничтожают приятность удовольствия и восстанавливают клонящуюся к падению душу».

20. «Вступив на путь добродетели и начав шествие, тем паче напряжем силы — простираться вперед; и никто да не обращается вспять, подобно жене Лотовой, особенно же внимая сказанному Господом: никтоже возложев руку свою на рало и зря вспять, управлен есть в Царствии Небесном ([Лк. 9:62](#)). Обратиться вспять не иное что значит, как сожалеть и думать снова о мирском». «Не приходите в страх, слыша о добродетели, не смущайтесь при ее имени. Она не далеко от нас, не вне нас образуется; дело ее в нас, и оно легко, если пожелаем только. Эллины, чтобы обучиться словесным наукам, предпринимают дальние путешествия, переплывают моря, а нам нет нужды ходить далеко ради Царствия Небесного, или переплывать море ради добродетели. Господь еще прежде сказал: Царствие Небесное внутри вас есть ([Лк. 17:21](#)). Поэтому добродетель имеет потребность в нашей только воле; потому что добродетель в нас и из нас образуется. Она образуется в душе, у которой разумные силы действуют согласно с ее естеством. А сего достигает душа, когда пребывает, какую сотворена; сотворена же она доброю и совершенно правою. Посему и Иисус Навин, заповедуя народу, сказал: исправите сердца ваша ко Господу Богу Израилеву ([Нав. 24:23](#)); и Иоанн говорит: правы творите стези ваши ([Мф. 3:3](#)). Ибо душе быть правою значит — разумной ее силе быть в такой согласии с естеством, в каком она создана. Когда уклоняется душа и делается несообразною с естеством, тогда называется это пороком души. Итак, это дело не трудно. Если пребываем, какими созданы, то мы добродетельны. Если же рассуждаем худо, то осуждаемся, как порочные. Если бы добродетель была чем-либо приобретаемым отвне, то, без сомнения, трудно было бы стать добродетельным. Если же она в нас, то будем охранять себя от нечистых помыслов и соблюдаем

Господу душу, как приятый от Него залог, чтобы признал Он в ней творение Свое, когда душа точно такова, какую сотворил ее Бог».

21. «Будем же домогаться, чтобы не властвовала над нами раздражительность и не преобладала нами похоть; ибо написано: гнев мужа правды Божия не соделоваает. Похоть же заченши раждает грех, грех же содеян раждает смерть» ([Иак. 1:20](#), 15). «А при таком образе жизни будем постоянно трезвиться и, как написано, всяцем хранением блюсти сердце ([Притч. 4:23](#)). Ибо имеем у себя страшных и коварных врагов, лукавых демонов, с ними у нас брань, как сказал Апостол: несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тьмы века сего, к духовом злобы поднебесным ([Еф. 6:12](#)). Великое их множество в окружающем нас воздухе, и они недалеко от нас. Великая же есть между ними разность, и о свойствах их, и о разностях продолжительно может быть слово, но такое рассуждение пусть будет предоставлено другим, которые выше нас; теперь же настает крайняя нам нужда узнать только козни их против нас».

22. «Итак, во-первых, знаем, что демоны называются так не потому, что такими сотворены. Бог не сотворил ничего злого. Напротив того, и они созданы были добрыми, но, ниспав с высоты небесного разумения и вращаясь уже около земли, как язычников обольщали мечтаниями, так и нам, христианам, завидуя, все приводят в движение, желая воспрепятствовать нашему восхождению на Небеса, чтобы нам не взойти туда, откуда ниспали они». «Посему, потребны нам усиленная [молитва](#) и подвиги, чтобы, прияв от Духа дарование рассуждения духовом ([1 Кор. 12:10](#)), можно было человеку узнать о демонах, которые из них менее худы и которые хуже других, какой цели старается достигнуть каждый из них и как можно низложить и изгнать каждого. Ибо много у них ухищрений и злокозненных устремлений. Блаженному Апостолу и последователям его известны были козни сии, и они говорят: не не разумеваем умышлений его ([2 Кор. 2:11](#)). А мы, сколько опытом изведали о сих кознях, столько обязаны предохранять от них друг друга. Приобретая отчасти опытное о них ведение, сообщая это вам, как детям».

23. «Итак, демоны всякому христианину, наипаче же монаху, как скоро увидят, что он трудолюбив и преуспевает, прежде всего предприемлют и покушаются положить на пути соблазны. Соблазны же их суть лукавые помыслы. Но мы не должны устрашаться таковых внушений. Молитвою, постами и верой в Господа враги немедленно низлагаются. Впрочем, и по низложении они не успокаиваются, но вскоре снова наступают коварно и с хитростью. И когда не могут обольстить сердце явным и нечистым сластолюбием, тогда снова нападают иным образом и стараются уже устрашить мечтательными привидениями, претворяясь в разные виды и принимая на себя подобия женщин, зверей, пресмыкающихся, великанов, множества воинов. Но и в таком случае не должно приходить в боязнь от этих привидений, потому что они суть ничто и скоро исчезают, особливо если кто оградит себя верою и крестным знамением. Впрочем, демоны дерзки и крайне бесстыдны. Если и в этом бывают они побеждены, то нападают иным еще способом: принимают на себя вид прорицателей, предсказывают, что будет через несколько времени; представляются или высокорослыми, достающими головой до крови, или имеющими чрезмерную толстоту, чтобы тех, кого не могли обольстить помыслами, уловить такими призраками. Если же и в этом случае найдут, что душа ограждена сердечною верою и упованием, то приводят уже с собою князя своего».

24. Антоний сказывал, что «нередко видел он демонов такими, каким Господь изобразил диавола в откровении Иову, говоря: очи его видение денницы. Из уст его исходят аки свещи горящая, и размещутся аки искры огненные: из ноздрей его исходит дым пещи горящая огнем угля: душа его яко углие, и яко пламы из уст его исходят» ([Иов 41:9-11](#)). Таким являясь, демонский князь устрашает, по сказанному выше, коварным своим велеречием, как еще обличил его Господь, сказав Иову: вменяет железо аки плевые, медь же аки древо гнило; мнит же

море яко мироварницу, и тартар бездны якоже пленника; вменил бездну в прохождение ([Иов 41:18, 22-23](#)); и еще говоря через пророка: рече враг: гнав постигну ([Исх. 15:9](#)); и также чрез другого пророка: вселенную всю объиму рукою моею яко гнездо, и яко оставленная яйца возму» ([Ис. 10:14](#)). «Так вообще стараются величаться демоны, и дают подобные обещания, чтобы обольстить богочестивых. Но мы, верные, и в этом также случае, не должны страшиться производимых врагом привидений и обращать внимание на слова его, потому что диавол лжет и вовсе не говорит ничего истинного. И действительно, его-то, изрекающего столько подобных дерзостей, Спаситель, как змия, извлек удицею, ему-то, как вьючному животному, обложил узду о ноздрях его, ему-то, как беглецу, вддел кольцо в ноздри его, и шилом повертел устне его, и яко врабия связал его Господь, чтобы мы наругались над ним ([Иов 40:20-21, 24](#)). Диавол и все с ним демоны низложены пред нами, чтоб, как на змей и на скорпионов, наступать на них нам, христианам ([Лк. 10:19](#)). Доказательством же сему служит то, что живем мы ныне по правилам противным ему. И вот дающий обещание истребить море и объять вселенную не в силах ныне воспрепятствовать вашим подвигам и даже остановить меня, который говорю против него. Поэтому не будем обращать внимания, что ни говорил бы он, потому что лжет он. Не убоимся его привидений, потому что и они лживы. Видимый в них свет не есть свет действительный, вернее же сказать, что демоны носят в себе начаток и образ уготованного им огня. В чем будут они гореть, тем и покушаются устрашать людей. Внезапно являются, но немедленно также и исчезают, не причиняя вреда никому из верующих, нося же с собою подобие того огня, который примет их в себя. Посему и в этом отношении не должно их бояться, потому что все их предначинания, по благодати Христовой, обращаются в ничто».

25. «Они коварны и готовы во все превращаться, принимать на себя всякие виды. Нередко, будучи сами невидимы, представляются они поющими псалмы, припоминают изречения из Писаний. Иногда, если занимаемся чтением, и они немедленно, подобно эху, повторяют то же, что мы читаем; а если спим, пробуждают нас на молитву и делают это так часто, что не дают почти нам и уснуть. Иногда, приняв на себя монашеский образ, представляются благоговейными собеседниками, чтобы обмануть подобием образа и обольщенных ими вовлечь уже, во что хотят. Но не надобно слушать их, пробуждают ли они на молитву, или советуют вовсе не принимать пищи, или представляются осуждающими и укоряющими нас за то самое, в чем прежде были с нами согласны. Ибо не из благоговения и не ради истины делают это, но чтобы неопытных ввергнуть в отчаяние. Подвижничество представляют они бесполезным, возбуждают в людях отвращение от монашеской жизни, как самой тяжелой и обременительной, и препятствуют вести этот, противный им, образ жизни».

26. «И посланный Господом пророк возвестил окаянство таковых, сказав: горе напаяющему подруга своего развращением мутным ([Авв. 2:15](#)). Такие предначинания и помышления совращают с пути, ведущего к добродетели». «И Сам Господь даже говорившим правду демонам (ибо справедливо они говорили: Ты еси Христос Сын Божий ([Лк. 4:41](#))) повелевал молчать и воспрещал говорить, чтобы вместе с истиною не посеяли они собственной злобы своей, а также чтобы приобучились и мы никогда не слушать их, хотя бы они говорили и истину по видимости. Нам, имеющим у себя святыя Писания и свободу, дарованную Спасителем, неприлично учиться у диавола, который не соблюл своего чина и изменился в мыслях своих. Посему-то Господь запрещает ему произносить изречения Писания: грешнику же рече Бог: вскую ты поведаеши оправдания Моя и восприемлещи завет Мой усты твоими ([Пс. 49:16](#))? «Демоны все делают, говорят, шумят, притворяются, производят мятежи и смятения к обольщению неопытных, стучат, безумно смеются, свистят, а если кто не обращает на них внимания, плачут и проливают уже слезы, как побежденные».

27. «Господь, как Бог, налагал молчание на демонов; так нам, научившись у святых,

прилично поступать подобно им и подражать их мужеству. А они, смотря на сие, говорили: внегда востати грешному предо мною. Онемех и смирихся, и умолчах от благ ([Пс. 38:2-3](#)); и еще: аз же яко глух не слышах, и яко нем не отверзаяй уст своих; и бых яко человек не слышай ([Пс.37: 14](#)). Так и мы не будем слушать демонов, как чуждых нам, не станем повиноваться им, хотя бы пробуждали нас на молитву, хотя бы говорили о посте; будем же более внимательны к предпринятому нами подвижничеству, чтобы не обольстили нас демоны, делающие все с хитростью. Но не должно нам и бояться демонов, хотя по видимости нападают на нас, даже угрожают нам [смертью](#), потому что они бессильны, и не могут ничего более сделать, как только угрожать».

28. «Почему, хотя коснулся уже я сего мимоходом, однако же теперь не поленюсь сказать о том же пространнее. Такое напоминание послужит к вашей безопасности. По пришествии Господа враг пал, и силы его изнемогли. Посему, хотя ничего не может он сделать, однако же, как мучитель, по падении своем не остается в покое, но угрожает, хотя только словом». «Пусть же каждый из вас рассудит и сие и тогда в состоянии будет презирать демонов. Если бы демоны обложены были такими же телами, какими обложены мы, то могли бы они сказать: людей укрывающихся мы не находим, а найденным причиняем вред. Тогда и мы могли бы укрыться и утаиться от них, заперев двери. Но они не таковы, могут входить и в запертые двери; и все демоны, а первый из них диавол, носятся по всему воздуху, притом, они зложелательны, готовы вредить, и, как сказал Спаситель, отец злобы диавол есть человекоубийца искони ([Ин. 8:44](#)). Между тем, мы живы еще и даже ведем образ жизни противный диаволу. Итак явно, что демоны не имеют никакой силы. И место не препятствует им делать зло, и в нас видят они не друзей своих, которых стали бы щадить, и сами не такие любители добра, которые могли бы исправиться, но напротив того, они лукавы — о том единственно заботятся, чтобы любителям добродетели и богочестивым делать вред; однако же, поелику ничего не в силах сделать, то и не делают вреда, а только угрожают. Но если бы они были в силах, то не стали бы медлить, но тотчас сделали бы зло, имея готовое на то произволение, особливо же сделали бы [зло](#) нам. Но вот, сошедшись, теперь говорим мы против них, и знают они, что, по мере нашего преспеяния, сами изнемогают; поэтому, если бы у них была власть, то не оставили бы в живых никого из христиан, потому что мерзость грешнику богочестие ([Сир. 1:25](#)). Поелику же ничего не в состоянии они сделать, то они паче уязвляются тем, что не могут исполнить угроз своих». «Притом, чтобы не бояться нам демонов, надобно рассудить и следующее. Если бы было у них могущество, то не приходили бы толпою, не производили бы мечтаний и не принимали бы на себя различных образов, когда строят козни; но достаточно было бы прийти только одному и делать, что может и хочет, тем более, что всякий имеющий власть не привидениями поражает, не множеством устрашает, но немедленно пользуется своею властью, как хочет. Демоны же, не имея никакой силы, как бы забавляются на зрелище, меняя личины и стращая детей множеством привидений и призраков. Посему-то наипаче и должно их презирать, как бессильных. Истинному Ангелу, посланному Господом на ассириян, не было нужды во множестве, в наружном призраке, в громе и треске; напротив того, в тишине оказал он власть свою и мгновенно истребил сто восемьдесят пять тысяч. Не имеющие же никакой силы демоны, каковы с нами препирающиеся, покушаются устрашить хотя мечтаниями».

29. «Если кто приведет себе на мысль бывшее с Иовом и скажет, почему же диавол пришел и сделал с ним все: и имущества лишил его, и детей его умертвил, и самого поразил гноем лютым ([Иов 1:15-22, 2:1-7](#)), то да знает таковой, что не от силы диавола это зависело, но от того, что Бог предал ему Иова на искушение; диавол же, конечно, не в силах был ничего сделать, потому что просил и, получив дозволение, сделал. А поэтому тем паче достоин презрения враг, который, хотя и желал, однако же не в силах был ничего сделать даже одному праведнику.

Ибо если бы имел на это силу, то не стал бы просить. Поелику же просил, и просил не однажды, но двукратно, то оказывается немощным и вовсе бессильным. И неудивительно, что не в силах был что-либо сделать с Иовом, когда не мог погубить и скота его, если бы не попустил ему Бог. Даже над свиньями не имеет власти диавол. Ибо, как написано в Евангелии, демоны просили Господа, говоря: повели нам ити в стадо свиное ([Мф. 8:31](#)). Если же не имеют власти над свиньями, тем паче не имеют над человеком, созданным по образу Божию».

30. «Посему, должно бояться только Бога, а демонов презирать и нимало не страшиться их. Даже чем больше страхов производят они, тем сильнее будем подвизаться против них. Ибо сильное на них орудие — правая жизнь и вера в Бога. Боятся они подвижнического поста, бдения, молитв, кротости, безмолвия, несребролюбия, нетщеславия, смиренномудрия, нищелюбия, милостынь, безгневия, преимущественно же благочестивой веры во Христа. Посему-то и употребляют все меры, чтобы не было кому попить их. Знают они, какую благодать против них дал верующим Спаситель, Который сказал: се даю вам власть наступати на змию и на скорпию, и на всю силу вражию» ([Лк. 10:19](#)).

31. «Поэтому, если выдают они себя за предсказателей, никто да не прилепляется к ним. Нередко сказывают они за несколько дней, что придут братия, и те действительно приходят. Делают же это демоны не по заботливости о внимающих им, но чтобы возбудить в них веру к себе, и потом, подчинив уже их себе, погубить. Посему, не должно слушать демонов, а надобно возражать на слова их, что не имеем в них нужды. Ибо что удивительного, если кто, имея тело тончайшее тела человеческого и увидев вступивших на путь, предваряет их в шествии и извещает о них? То же предсказывает и сидящий на коне, предварив идущего пешком. Посему и в этом не надобно удивляться демонам. Они не имеют предведения о том, чего еще нет. Единый Бог есть сведый вся прежде бытия их ([Дан. 13:42](#)). Демоны же, как тати, забежав наперед, что видят, о том и извещают. И теперь о том, что делается у нас, как сошлись мы и беседуем о них, дадут они знать многим, прежде нежели кто-либо из нас уйдет отсюда и расскажет о том. Но то же может сделать и какой-нибудь резво бегающий отрок, предварив ходящего медленно. И я именно сказываю. Если намеревается кто идти из Фиваиды, или из другой какой страны, то прежде, нежели отправится он в путь, демоны не знают, пойдет ли, но как скоро видят идущего, забегают вперед, и прежде, нежели он пришел, извещают о нем; и таким образом идущие через несколько дней действительно приходят. Нередко же случается отправившимся в путь возвратиться назад, и тогда демоны оказываются лжецами».

32. «Так, иногда велеречиво объявляют они о воде в реке Ниле: увидев, что много было дождей в странах эфиопских и зная, что от них бывает наводнение в реке, прежде нежели вода придет в Египет, прибегают туда и предсказывают. Но то же сказали бы и люди, если бы могли так скоро переходить с места на место, как демоны. И как страж Давидов, взошедши на высоту, прежде, нежели бывший внизу, увидел текущего, и шедший вперед, прежде, нежели другие, сказал не о чем-либо еще несовершившемся, но о том, что уже было и о чем известие уже приближалось ([2 Цар. 18:24-29](#)), так и демоны принимают на себя труд, и делают знать другим, чтобы только обольстить их. Если же Промыслу угодно будет в это время с водами или с путешествующими сделать что-либо иное (потому что и это возможно), то демоны окажутся лжецами, и послушавшие их будут обмануты».

33. «Так произошли языческие прорицалища, так издавна люди вводимы были в заблуждение демонами. Но обольщение это наконец прекратилось. Ибо пришел Господь и привел в бездействие демонов и коварство их. Они ничего не знают сами собою, но, как тати, что видят у других, то и разглашают, и более угадывают, нежели знают по предведению. Посему, если предсказывают и правду, никто да не дивится им в этом. Ибо и врачи, опытом дознавшие свойства болезней, как скоро видят ту же болезнь в других, нередко, угадывая по

навыку, предсказывают. Также кормчие и земледельцы, смотря на состояние воздуха, по навыку предсказывают или непогоду, или благорастворение воздуха. И никто не скажет поэтому, что предсказывают они по Божию внушению, а не по опыту и навыку. Посему, если и демоны иногда, угадывая, предсказывают также, то никто да не дивится им в этом и не слушает их». «И какая польза слушающим демонов заранее узнать от них будущее? Или какая важность в таком предведении, хотя бы узнали мы и правду? Это не составляет добродетели и, без сомнения, не служит доказательством добрых нравов. Никто из нас не осуждается за то, что не знал, и никто не ублажается за то, что приобрел сведение и узнал, но каждый подлежит суду в том, соблюл ли веру, искренне ли сохранил заповеди».

34. «Посему, должно невысоко ценить такое предвидение, подвизаться и трудиться не для того, чтобы предузнавать, но чтобы доброю жизнью угодить Богу. Надобно и молиться не о том, чтобы иметь предведение, и не этой награды просить за подвиги, но просить Господа, чтобы Он споспешествовал нам в победе над диаволом». «Если же когда важно для нас иметь предведение, то чистым будем хранить ум. Ибо уверен я, что душа во всем чистая и верная своей природе, соделавшись прозорливою, может видеть больше и дальше, нежели демоны, потому что от Господа дается ей откровение. Такова была душа Елиссея, видевшая, что сделано было Гиезием ([4 Цар. 5:26](#)), и узревшая охраняющие ее силы» ([4 Цар. 6:16-17](#)).

35. «Посему, когда демоны приходят к нам ночью, хотят возвестить будущее, или говорят: «Мы — Ангелы», — не внимайте им, потому что лгут. Если будут они хвалить ваше подвижничество и ублажать вас, не слушайте их и нимало не сближайтесь с ними, лучше же себя и дом свой запечатлейте крестом и помолитесь. Тогда увидите, что они сделаются невидимыми, потому что боязливы и особенно страшатся знамения креста Господня. Ибо, крестом отъяв у них силу, посрамил их Спаситель». «Если же будут упорствовать, издеваясь и принимая на себя разные виды, — не приходите в боязнь, не ужасайтесь, не внимайте им, как духам добрым. Ибо, при Божией помощи, возможно и нетрудно распознавать присутствие Ангелов добрых и злых». «Видение святых бывает невозмутительно. Не будут они ни спорить, ни вопиять, ниже услышит кто гласа их ([Ис. 42:2](#)). Являются они безмолвно и кротко, отчего в душе немедленно рождаются радость, веселие и дерзновение, — потому что со святыми Господь, Который есть наша радость и Сила Бога Отца. Душевные помыслы бывают невозмутимыми и неволненными, и душа, озаряемая видением, созерцает явившихся. В ней возникает желание божественных и будущих благ, и, конечно, возжелает она быть в соединении со святыми и отойти с ними. Если же иные, как люди, приводятся в страх видением добрых Ангелов, то явившиеся в то же мгновение уничтожают этот страх своею любовью, как поступили Гавриил с Захариєю ([Лк. 1:13](#)) и Ангел, явившийся женам во гробе Господнем ([Мф. 28:5](#)), и еще Ангел, упоминаемый в Евангелии и сказавший пастырям: не бойтесь ([Лк. 2:10](#)). Ощущается же страх не от душевной боязни, но от сознания присутствия высших сил. Таково видение святых».

36. «А нашествие и видение духов злых бывает возмутительно, с шумом, гласами и воплями, подобно буйному движению худо воспитанных молодых людей или разбойников. От сего в душе немедленно происходят боязнь, смятение, беспорядок помыслов, грусть, ненависть к подвижникам, уныние, печаль, воспоминание о сродниках, страх смертный, и наконец — худое пожелание, нерадение о добродетели, нравственное расстройство». «Поэтому, если, увидев явившегося, приходите в страх, но страх ваш немедленно уничтожен, и вместо него происходят в вас неизглаголанная радость, благодушие, дерзновение, воодушевление, невозмутимость помыслов и все прочее, сказанное выше, мужество, любовь к Богу, то не теряйте упования и молитесь. Ибо радость и благоустроенность души показывают святость явившегося. Так Авраам, увидев Господа, возрадовался ([Ин. 8:56](#)), и Иоанн от гласа Богородицы

Марии възграся радощами ([Лк. 1:44](#)). А если чье явление сопровождают смятение, внешний шум и мирская пышность, угроза смертью и все, сказанное выше, то знайте, что это — нашествие злых ангелов».

37. «Да служит вам и то еще признаком: когда душа продолжает ощущать боязнь, — явившийся есть враг, потому что демоны не уничтожают боязни, как в Марии и Захарии — великий Архангел Гавриил, и в женах — явившийся во гробе Ангел. Напротив того, демоны, когда видят людей в боязни, тем паче умножают призраки, чтобы привести их в больший ужас, и наступая, уже ругаются, говоря: пад поклоншими ([Мф. 4:9](#)). Так обольщали они язычников, и те лжеименно признавали их богами». «Но нас не оставил Господь быть в обольщении от диавола, когда, запрещая ему производить такие призраки, сказал: иди за Мною, сатано. Писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишия, и Тому Единому послужиши ([Мф. 4:10](#)). Посему паче и паче да будет за сие презираем нами этот коварный. Что сказал ему Господь, то сказал ради нас, чтобы демоны, слыша и от нас подобное сему, обращались в бегство ради Господа, воспретившего им это».

38. «Но не должно хвалиться силою изгонять бесов и превозноситься даром исцелений; не должно дивиться тому только, кто изгоняет бесов, и уничтожать того, кто не изгоняет. Пусть каждый поучается подвижничеству другого: пусть или подражает и соревнует ему, или исправляет его. Творить знамения не от нас зависит, но есть дело Спасителя. Он сказал ученикам: не радуйтесь, яко дуси вам повинуются, но яко имена ваша написана суть на Небесех ([Лк. 10:20](#)). То, что имена написаны на Небе, свидетельствует о нашей добродетели и жизни, а изгонять бесов есть благодать даровавшего Спасителя. Посему, хвалившимся не добродетелью, но знамениями, и говорившим: Господи, не Твоим ли именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом? — отвечивал Господь: глаголю вам, не вем вас ([Мф. 7:22-23](#); [Лк. 13:27](#)). Ибо Господь не ведает путей нечестивых». «Сверх же всего, как сказал я и выше, должно молиться о том, чтобы приять дарование различения духов, чтобы, по написанному, не всякому духу веровать» ([1 Ин. 4:1](#)).

39. «Намеревался было я смолчать и ничего не говорить от себя, удовольствовавшись одним сказанным, но, чтобы не подумали вы, будто бы говорю это просто так, а напротив того — уверились, что сказываю вам изведенную по опыту и сущую правду, хотя поступаю, как несмысленный, однако же, поелику внимлющий сему Господь знает чистоту моей совести, знает, что делаю это не ради себя, но ради вашей любви и для вашего вразумления, то скажу, что еще дознал я о демонских начинаниях. Много раз ублажали меня демоны, а я заклинал их именем Господним. Много раз предсказывали они мне о разливе реки, а я спрашивал их: вам какое до сего дело? Иногда приходили с угрозами и окружали меня, как вооруженные воины. В иное время наполняли дом конями, зверями и пресмыкающимися, а я воспевал: сии на колесницах, и сии на конех: мы же во имя Господа Бога нашего призовем ([Пс. 19: 8](#)), и по молитвам Господь обращал их в бегство. Иногда приходили во тьме, имея призраки света, и говорили: мы пришли озарить тебя, Антоний; но я, смежив глаза, молился, и тотчас угасал свет нечестивых. Чрез несколько месяцев пришли и будто воспевали псалмы и произносили места из Писаний; аз же яко глух не слышах ([Пс. 37:14](#)). Иногда приводили в колебание монастырь, но я молился, пребывая неподвижен мыслию. После сего еще пришли и стали рукоплескать, свистеть, плясать, но я молился и лежа пел про себя псалмы. Вскоре начали они плакать и рыдать, как изнемогшие, а я прославлял Господа, сокрушившего и посрамившего их дерзость и безумие».

40. «Однажды явился с многочисленным сопровождением демон весьма высокий ростом и осмелился сказать: я — Божия сила; я — Промысл, чего хочешь, все дарую тебе. — Тогда дунул я на него, произнеся имя Христово, занес руку ударить его и, как показалось, ударил, — и при

имени Христовом тотчас исчез великан этот со всеми его демонами. Однажды, когда я постился, пришел этот коварный в виде монаха, имея у себя призрак хлеба, и давал мне такой совет: ешь и отдохни после многих трудов; и ты — человек, можешь занемочь. — Но я, уразумев козни его, восстал на молитву, и демон не стерпел сего, скрылся и, исшедши в дверь, исчез, как дым. Много раз в пустыне мечтательно показывал мне враг золото, чтобы только прикоснулся я к нему и взглянул на него, но я отражал врага пением псалмов, и он исчезал. Часто демоны наносили мне удары, но я говорил: ничто не отлучит меня от любви Христовой. И после сего начинали они наносить сильнейшие удары друг другу. Впрочем, не я удерживал и приводил их в бездействие, но Господь, Который сказал: видех сатану яко молнию с небесе спадша (Лк. 10:18). А я, чада, помня изречение Апостольское, преобразих то на себе (1 Кор. 4:6), да научитесь не унывать в подвижничестве и не страшиться привидений диавола и демонов его».

41. «Поелику же стал я столь несмыслен, что рассказываю о сем, то, для собственной вашей безопасности и небоязненности, примите от меня и следующее и поверьте мне, потому что не лгу. Однажды кто-то в монастыре постучался ко мне в дверь. И вышедши, увидел я какого-то явившегося огромного великана. Потом, когда спросил я: кто ты? — Он отвечал: я — сатана. — После сего на вопрос мой: для чего же ты здесь? — сказал он: почему напрасно порицают меня монахи и все прочие христиане? Почему ежечасно проклинаят меня? — И на слова мои: а ты для чего смущаешь их? — ответил: не я смущаю их, они сами себя возмущают, а я стал немощен. Разве не читали они: врагу оскудеша оружия в конец, и грады разрушил еси (Пс. 9:7)? Нет уже мне и места, не имею ни стрел, ни города. Везде христиане: пустыня и та наполняется монахами. Пусть же соблюдают сами себя и не проклинаят меня напрасно. Тогда, подивившись благодати Господней, сказал я ему: всегда ты лжешь и никогда не говоришь правды, однако же теперь, и против воли, сказал ты это справедливо. Ибо Христос, пришедши, соделал тебя немощным, и низложив, лишил тебя всего. — Услышав имя Спасителя и не терпя палящей силы Его, диавол стал невидим».

42. «Итак, если сам диавол сознается в своей бессилии, то, конечно, должны мы презирать и его, и демонов его. У врага и у псов его много хитростей, но мы, узнав немощь их, можем презирать их. А раз так, не будем упадать духом, питать в душе боязни, не станем сами для себя выдумывать побуждений к страху, говоря: не пришел бы демон и не поколебал бы меня, не восхитил бы он меня и не низринул бы; или, не напал бы внезапно и не привел бы в смятение. — Вовсе не будем давать в себе места таким мыслям и скорбеть, как погибающие. Паче же, будем благодушествовать и радоваться всегда, как спасаемые; будем содержать в мысли, что с нами Господь, Который низложил и привел в бездействие демонов. Будем представлять и помышлять всегда, что поелику с нами Господь, то ничего не сделают нам враги». «Какими они нас находят, приходя к нам, такими и сами делаются в отношении к нам; и какие мысли в нас находят, такие и привидения представляют нам. Поэтому, если найдут нас боязливými и смущенными, то немедленно нападают, как разбойники, нашедшие неохрãняемое место, и что сами в себе думаем, то и производят в большем виде. Если видят нас страшливыми и боязливými, то еще больше увеличивают боязнь привидениями и угрозами, и наконец — бедная душа мучится тем. Но если найдут нас радующимися о Господе и помышляющими о будущих благах, содержащими в мыслях дела Господни и рассуждающими, что все в руке Господней, что демон не в силах побороть христианина и вообще ни над кем не имеет власти, то, видя душу, подкрепляемую такими мыслями, демоны со стыдом обращаются вспять. Так враг, видя Иова огражденным, удалился от него, но сделал пленником своим Иуду, нашедши, что он лишен такой защиты». «Посему, если хотим презирать врага, то будем всегда помышлять о делах Господних. Душа постоянно да радуется в уповании; и увидим, что демонские игральщица — то

же, что дым, что демоны скорее сами побегут, нежели нас будут преследовать, потому что они, по сказанному прежде, крайне боязливы, ожидая уготованного им огня».

43. «А для не боязненности своей пред демонами делайте такое испытание. Когда бывает какое-либо привидение, не впадай в боязнь, но каково бы ни было это привидение, прежде всего смело спроси: кто ты и откуда? И если это будет явление святых, то они удостоверят тебя и страх твой претворят в радость. А если это диавольское привидение, оно тотчас утратит силу, как скоро мысль твоя тверда. Ибо признак невозмущаемого духа — при всяком случае спрашивать: кто ты и откуда? Так спросил сын Навин и узнал, кто был Явившийся ([Нав. 5:13](#)). Так враг не утаился от вопросившего Даниила» ([Дан. 10:11-21](#)).

44. Когда беседовал так Антоний, все тому радовались; в одних возрастала любовь к добродетели, в других искоренялось нерадение, в иных прекращалось самомнение; все же, дивясь данной от Господа Антонию благодати к различению духов, убеждались в том, что должно презирать демонские наветы. Монастыри в горах подобны были скиниям, наполненным божественными ликами псалмопевцев, любителей учения, постников, молитвенников, которых радовало упование будущих благ и которые занимались рукоделиями для подаяния милостыни, имели между собою взаимную любовь и согласие. Подлинно представлялась там как бы особая некая область богочестия и правды. Не было там ни притеснителя, ни притесненного, не было укоризн от сборщика податей, подвижников было много, но у всех одна мысль — подвизаться в добродетели. А потому, кто видел эти монастыри и такое благочиние иноков, тот должен был снова воскликнуть и сказать: коль добри доми твои, Иакове, и кущи твоя, Израилю! яко дубравы осеняющая, и яко сад при реце, и яко кущи, яже водрузи Господь, и яко кедри при водах ([Числ. 24:5-6](#)).

45. А сам Антоний, по обычаю уединяясь особо в монастыре своем, усиливал подвиги и ежедневно воздыхал, помышляя о небесных обителях, воздерживая их и обращая взор на кратковременность человеческой жизни. Когда хотелось вкушать пищу, ложился спать, приступал к исполнению других телесных потребностей; чувствовал он стыд, представляя себе разумность души. Нередко, со многими другими иноками приступая к трапезе и вспомнив о пище духовной, отказывался от еды и уходил от них далеко, почитая для себя за стыд, если увидят другие, что он ест. По необходимому же требованию тела вкушал пищу, но особую, а нередко и вместе с братией, сколь же стыдясь их, сколь и уповая предложить им слово на пользу. Он говорил: «Все попечение прилагать надобно более о душе, а не о теле, и телу уступать по необходимости малое время, все же остальное посвящать наипаче душе и искать ее пользы, чтобы не увлекалась она телесными удовольствиями, но паче ей порабощалось тело. Это-то и значит сказанное Спасителем: не печьтеся душею вашею, что ясте... ни телом вашим, во что облечетесь ([Мф. 6:25](#)). И вы не ищите, что ясте, или что пиете: и не возноситея. Всех бо сих языцы мира сего ищут: ваш же Отец вест, яко требуете сих всех. Обаче ищите прежде всего Царствия Божия, и сия вся приложатся вам» ([Лк. 12:29-31](#)).

46. Посем постигло [Церковь](#) бывшее в то время Максимианово гонение. И когда святые мученики ведены были в Александрию, последовал за ними и Антоний, оставив свой монастырь и говоря: «Пойдем и мы, чтобы или подвизаться, если будем призваны, или видеть подвижающихся». Было у него желание приять мученичество, но, не хотя предать сам себя, прислуживал он исповедникам в рудокопнях и в темницах. Много было у него попечения — позванных в судилище подвижников поощрять к ревности и принимать участие в тех, которые вступили в мученический подвиг, сопровождая их до самой кончины. Судия, видя бесстрашие Антония и бывших с ним и их попечительность, приказал, чтобы никто из иноков не показывался в судилище и чтобы вообще они в городе не оставались. Все прочие в этот день почли за лучшее скрываться. Антоний же позаботился о себе особым образом. Он вымыл свою

верхнюю одежду и во всем чистом на следующий день предстал перед народом, поднявшись на высокое место, где даже игемон увидел его, проходя мимо со своими воинами. Когда все дивились ему, он хранил полное спокойствие, показывая тем христианскую нашу ревность. Ибо, как сказал уже я, он готов был стать мучеником. И сам он, казалось, печалился о том, что не сподобился мученичества; но Господь хранил его на пользу нам и другим, чтобы соделаться ему учителем многих в подвижнической жизни, какой научился он из Писаний. Ибо многие, взирая только на образ его жизни, потщились стать ревнителями его жития. Итак, снова стал он, по своему обычаю, прислуживать исповедникам, и как бы связанный вместе с ними, трудился в служении им.

47. А когда гонение уже прекратилось, и приял мученичество блаженной памяти епископ [Петр](#), то Антоний оставил Александрию, и уединился снова в монастыре своем, где ежедневно был мучеником в совести своей и подвизался в подвигах веры. Труды его многочисленны и велики: непрестанно постился он; одежду нижнюю — волосяную и верхнюю — кожаную соблюдал до самой кончины; не мыл водой тела; никогда не обмывал себе ног, даже и просто погружал их в воду, кроме крайней необходимости. Никто не видел обнаженного Антониева тела до того времени, как Антоний скончался и стали предавать его погребению.

48. Когда пребывал он в уединении, и сам не выходя, и к себе никого не принимая, то пришел и беспокоил его один военачальник Мартиниан. У него была дочь, мучимая бесом. Долгое время продолжал он стучать в дверь и просить Антония, чтобы вышел и помолился Богу о дочери его. Антоний не соглашался отворить двери и, выглянув сверху, сказал: «Что вопиешь ко мне? И я такой же человек, как и ты. Если веруешь во Христа, Которому служу я, то пойди и, как веруешь, помолись Богу, и прошение твое будет исполнено». Мартиниан немедленно уверовал и, призвав имя Христово, удалился с дочерью, освобожденною уже от демона. Много и других знамений сотворил чрез Антония Господь, Который сказал: просите и дастся вам ([Лк. 11:9](#)). Ибо многие страждущие от демонов, поскольку Антоний не отворял двери своей, посидев даже вне монастыря, по вере и по искренней молитве получили исцеление.

49. Когда же Антоний увидел, что многие беспокоят его и не дают пребывать ему в избранном им уединении, как желалось бы, то, опасаясь, чтобы или самому не превознести тем, что творит чрез него Господь, или чтобы другой кто не подумал о нем выше того, что он есть, почел за благо и решился уйти в верхнюю Фиваиду, где не знали его. И взяв у братии хлебов, сел он на берегу реки, наблюдая, не пойдет ли какой-нибудь корабль, чтобы на нем отправиться. Когда же дожидался он корабля, был к нему свыше голос: «Куда и зачем идешь, Антоний?» Он не смутился, так как привык уже часто слышать такие воззвания, выслушав же это, сказал в ответ: «Поскольку народ не дает пребывать мне в покое, то хочу идти в верхнюю Фиваиду, и особенно потому, что требуют от меня того, что выше сил моих». Голос сказал ему: «Если уйдешь в Фиваиду и даже, как намереваешься, к пасущим стада волов, то еще большие и сугубые труды понесешь. Если же действительно хочешь пребывать на покое, то иди теперь во внутреннюю пустыню». На вопрос же Антония: «Кто укажет мне путь, потому что неизвестен мне он?» — голос немедленно указал ему сарацин, которым надлежало идти этим путем. Антоний, подойдя к ним, стал просить позволения идти с ними в пустыню. Сарацины, как бы по велению Промысла, охотно приняли его. Три дня и три ночи проведя с ними в пути, он пришел на одну весьма высокую гору. Из-под горы текла прозрачная, сладкая и довольно холодная вода, вокруг была равнина и несколько диких пальм.

50. Антоний, как бы по внушению свыше, возлюбил это место, оно было то самое, какое указывал ему голос, вещавший на берегу реки. Итак, взяв хлебы у спутников, стал он пребывать на горе сперва один, не имея при себе никого другого, и место это признавал уже как бы собственным своим домом. Сарацины же, увидев ревность его, с намерением стали проходить

путем сим и с радостью приносили ему хлебы. Иногда и от пальм имел он малое некое и скудное утешение. Впоследствии же и братия, узнав его местопребывание, как дети, помня отца, заботились присылать ему потребное. Но Антоний, видя, что иные утомляются и утруждают себя, доставляя ему хлеб, придумал, как пощадить в этом монахов. Он упросил пришедших к нему принести заступ, топор и немного пшеницы. Когда это было сделано, то обойдя гору, он нашел небольшое подходящее поле, возделал его и, поскольку достаточно было воды для орошения, засеял. Так он стал ежегодно получать себе хлеб, радуясь, что никого не беспокоит и никому не в тягость. Но после сего, видя, что некоторые опять приходят к нему, стал разводить у себя и овощи, чтобы и приходящий к нему имел хотя малое утешение после трудов такого тяжкого пути. Вначале звери, обитавшие в пустыне, приходя пить воду, наносили нередко вред его посеву и земледелию. Он, с ласкою поймав одного зверя, сказал через него всем: «Для чего делаете вред мне, который не делаю никакого вреда вам? Идите прочь и во имя Господа не приближайтесь сюда более». С сего времени звери, как бы боясь запрещения, не приближались уже к тому месту.

51. Так Антоний пребывал один на внутренней горе, проводя время в молитвах и в подвигах. Служившие ему братия упросили его, чтобы позволил им приходить через месяц и приносить маслин, овощей и елея, потому что он был уже стар. Сколько же, живя там, выдержал он браней, по написанному ([Еф. 6:12](#)), не с плотию и кровию, но с сопротивными демонами, о том знаем от приходивших к нему. Ибо и там слышали шум, многие голоса и звук как бы оружий, а ночью видели, что гора наполнена зверями; замечали, что и сам Антоний как бы с какими-то видимыми ему врагами борется и отражает их молитвою. И Антоний приходивших к нему ободрял, а сам подвизался, преклоня колена и молясь Господу. И подлинно достойно было удивления, что один, живя в такой пустыне, не боялся нападающих на него демонов, и при таком множестве там четвероногих зверей и пресмыкающихся не страшился их свирепости, но по истине, как написано, надеялся на Господа, был яко гора Сион ([Пс. 124:1](#)), имел непоколебимый и неволненный ум, так что демоны бегали от него и зверие дивии, по написанному, примирялись ему ([Иов 5:23](#)).

52. Хотя диавол наблюдал за Антонием и, как воспевают Давид, скрежетал на него зубы своими ([Пс. 34:16](#)), Антоний, утешаемый Спасителем, пребывал невредимым от коварства и многообразных козней диавола. Так, в одну ночь, когда Антоний проводил время во бдении, враг посылает на него зверей. Едва ли не все гиены, этой пустыни, вышедши из нор, окружают его. Антоний стоял посреди них, и каждая зияла на него и угрожала ему угрызением. Уразумев в этом хитрость врага, он сказал гиенам: «Если имеете власть надо мною, то я готов быть пожран вами. А если посланы вы демонами, то не медлите и удалитесь, потому что я — раб Христов». Едва Антоний сказал это, гиены бежали, как бы гонимые бичом слова.

53. Потом через несколько дней, когда занимался он работой (ибо любил быть в труде), кто-то, став у двери, потянул к себе то, что плел тогда Антоний, делал же он корзины и отдавал их приходящим за приносимое ему. Антоний встал и видит зверя, который до чресел походит на человека, а голени и ноги у него подобны ослиным. Антоний запечатлел только себя знамением креста и сказал: «Я — раб Христов, если послан ты на меня, то вот я перед тобой». Зверь с бывшими в нем демонами побежал так быстро, что от скорости пал и издох. Смерть этого зверя означала падение демонов, которые прилагали все старание, чтобы удалить Антония из пустыни, и не возмogli.

54. Однажды он отправился в путь вместе с пришедшими к нему монахами, которые упросили его посетить их и место их жительства. Верблюд нес для них хлебы и воду, потому что пустыня эта безводна, и воды, годной к питию, не было нигде, кроме одной той горы, на которой был монастырь Антониев, где и запаслись они водою. Когда же на пути вода у них

истощилась, а зной был весьма сильный, то все были в опасности лишиться жизни. Обойдя окрестности и не найдя воды, не в силах уже были продолжать пути, легли на земле, и отчаявшись в жизни своей, пустили верблюда идти, куда хочет. Старец, видя, что все бедствуют, весьма опечалившись и воздохнув, отходит от них недалеко и, преклонив колена и воздев руки, начинает молиться; и Господь вскоре соделал, что потекла вода на том месте, где он стоял на молитве, и таким образом утолили все жажду и оживились, наполнили мехи водою, стали искать верблюда и нашли его. Случилось же так, что веревка обвилась около одного камня и удержала верблюда. Итак, привели его назад, и напоив, возложили на него мехи, и продолжали путь безбедно. Когда же Антоний дошел до первых на пути монастырей, все приветствовали его, взирая на него, как на отца, а он, как бы принеся напутствие с горы, угощал их словом и преподавал им, что было на пользу. Снова на горах были радость, соревнование о преспеянии и утешение взаимное друг друга верою. Радовался и сам Антоний, увидев ревность иноков, и сестру свою, состарившуюся в девстве и уже настоятельницу других девственниц.

55. Через несколько дней опять ушел он на свою гору. И тогда стали уже приходиться к нему многие; осмеливались даже приходиться и иные страждущие. Всякому приходящему к нему иноку давал он постоянно такую заповедь: «Веруй в Господа и люби Его, храни себя от нечистых помыслов и плотских удовольствий и, как написано в Притчах, ниже прельщайся насыщением чрева ([Притч. 24:15](#)), бегай тщеславия, молись непрестанно, пой псалмы перед сном и после сна, тверди заповеди, данные тебе в Писании, содержи в памяти деяния святых, чтобы памятующая заповеди душа твоя имела ревность святых образцом для себя». Особливо же советовал Антоний непрестанно размышлять об Апостольском изречении: солнце да не зайдет в гнев в вашем ([Еф. 4:26](#)), и думать, что сказано это вообще относительно ко всякой заповеди, чтобы не заходило солнце не только в гнев, но и в другом грехе нашем. Ибо хорошо и необходимо, чтобы не осуждали нас ни солнце за дневной проступок, ни луна за ночной грех и даже за худое помышление. А чтобы соблюсти себя от этого, хорошо — выслушать и сохранять Апостольское слово. Ибо сказано: себя истязуйте, себе искушайте ([2 Кор. 13:5](#)). Поэтому, пусть каждый ежедневно дает себе отчет в дневных и ночных своих поступках. И если согрешил, да не хвалится тем, но да пребывает в добре, и не предаётся нерадению, и ближнего не осуждает, и себя не почитает праведным, дондеже, как сказал блаженный Апостол Павел, придет Господь ([1 Кор. 4:5](#)), испытующий тайное. Нередко и от нас самих бывает сокрыто, что делаем мы. Но хотя не ведаем этого мы, однако же Господь видит все. Посему, суд предоставив Господу, будем сострадательны друг к другу, станем друг друга тяготы носить ([Гал. 6:2](#)) и истязывать самих себя, и, в чем мы недостаточны, постараемся то восполнять. А к ограждению себя от греха будем соблюдать еще следующее. Пусть каждый из нас замечает и записывает свои поступки и душевные движения, как бы с намерением сообщать это друг другу; и будьте уверены, что, стыдясь известности, непременно перестанем грешить и даже содержать в мыслях что-либо худое. Ибо кто, когда грешит, желает, чтобы это видели? Или кто, согрешив, не пожелает лучше солгать, только бы утаить грех? Как, наблюдая друг за другом, не станем творить блуда, так, если будем записывать свои помыслы, с намерением сообщать их друг другу, то легче соблюдем себя от нечистых помыслов, стыдясь известности. Итак, записывание да заменит для нас очи наших сподвижников, чтобы, когда записываем, чувствовали такой же стыд, какой чувствуем, когда смотрят на нас, тогда и в мысли даже не станем держать что-либо худое. Если так будем образовывать себя, то придем в состояние поработать тело свое, угождать Господу и попирать козни врага».

56. Такие наставления давал Антоний приходящим; к страждущим же был сострадательн и молился вместе с ними. И Господь часто внимал молитвам его о многих. Но когда и услышан был Господом, не хвалился; и когда не был услышан, не роптал. Но как сам всегда благодарил

Господа, так и страждущим внушал быть терпеливыми и знать, что исцеление не от него и вовсе не от людей, но от одного только Бога, Который подает его, когда хочет и кому хочет. Посему и страждущие принимали наставления старца, как врачевство, учась не малодушествовать, а паче, быть терпеливыми, исцеляемые же научались воздавать благодарение не Антонию, но единому Богу.

57. Некто по имени Фронтон, из царедворцев, страдая жестокою болезнью, кусал себе язык и готов был лишиться себя зрения. Пришедши на гору, просил он Антония помолиться о нем. Антоний, помолившись, сказал Ферапонту: «Иди и исцелеешь». Когда же больной упорствовал и не покидал монастырь несколько дней, Антоний настаивал на своем, говоря: «Не можешь ты исцелиться, пока здесь; иди, и, достигнув Египта, увидишь совершившееся на тебе знамение». Фронтон поверил, ушел и, как только увидел Египет, болезнь его миновала, и стал он здоров по слову Антония, как во время [МОЛИТВЫ](#) открыл ему Спаситель.

58. Одна девица из Трипольского Бусириса имела страшную и крайне гнусную болезнь. Слезы ее, мокрота и влага, текшая из ушей, как скоро падали на землю, тотчас превращались в червей; тело же ее было расслаблено и глаза находились в неестественном состоянии. Родители ее, узнав, что монахи идут к Антонию, по вере в Господа, исцелившего кровоточивую, просили и х взять с собою их дочь. Поскольку же монахи отказались, то родители с отроковицею остались близ горы у исповедника и монаха Пафнутия. Монахи пришли к Антонию, и едва хотели известить его о девице, как он упредил их и рассказал, какая болезнь у отроковицы и как шла она с ними; когда начали они просить, чтобы позволил и родителям с девицей войти, Антоний сего не дозволил, но сказал: «Идите, и, если девица не умерла, найдете ее исцеленною. Не мое это дело и не для чего приходить ей ко мне, бедному человеку; исцеление подается от Спасителя, Который на всяком месте творит милость Свою призывающим Его. Господь преклонился на молитву ее, а человеколюбие Его открыло и мне, что исцелит Он болезнь находящейся там отроковицы». Так совершилось чудо; монахи пошли, и родителей нашли радующимися, а отроковицу уже здоровою.

59. Шли два брата, и когда на пути недостало у них воды, один умер, а другой близок был к смерти и, не имея сил идти, лежал уже на земле и ждал, что умрет. Антоний, пребывавший в горе, призывает двоих монахов, бывших тогда при нем, и понуждает их спешить, говоря: «Возьмите сосуды с водою и идите скорее на египетскую дорогу. Из двоих путников один уже умер, другой скоро умрет, если не поспешите. Это открыто мне ныне во время молитвы». Монахи идут, находят лежащего мертвеца, предают его погребению, а другого возвращают к жизни водою и приводят к старцу; расстояние же было одного дня пути. Если кто спросит, почему Антоний не сказал прежде, нежели другой скончался, то вопрос будет несправедлив. Определение смерти было не от Антония, но от Бога, Который одному определил умереть, а о другом дал откровение. В Антонии же чудно было только то, что, пребывая в горе, имел трезвенное сердце; и Господь показал ему, что происходило вдалеке.

60. Однажды, пребывая в горе и возведя взор, видит Антоний, что возносится некто по воздуху, к великой радости встречающих его. Потом, дивясь и ублажая таковой сонм, начинает он молиться, чтобы открыто ему было, что это значит. И вдруг приходит к нему глас: «Это душа Амуна, нитрийского инока». Амун же до старости пребыл подвижником. А расстояние от Нитрии до горы, где жил Антоний, было тринадцати дней пути. Поэтому бывшие с Антонием, видя дивящегося старца, пожелали знать причину и услышали, что (недавно) скончался Амун, а он был известен им, потому что часто бывал там и притом много совершено было им знамений, из которых одно таково. Однажды настояла Амуну нужда переправиться через реку, называемую Ликос, было же тогда полноводие. Амун стал просить бывшего с ним Феодора отойти дальше, чтобы не видеть им друг друга обнаженными, когда будут переплывать реку.

Потом, когда Феодор удалился, Амун устыдился даже самого себя увидеть обнаженным, но пока боролся он со стыдом и беспокоился, внезапно перенесен был на другой берег. Феодор, также муж благоговейный, приблизившись и увидев, что Амун предварил его и нимало не омочился в воде, просит сказать, как он переплыл. Когда же увидел, что Амун не хочет сказать этого, обняв ноги его, стал уверять, что не пустит его, пока не узнает. Тогда Амун, в ответ на упорство Феодора и слова, сказанные им, попросив сперва никому не говорить об этом до смерти его, признался, что перенесен был и поставлен на другой берег, вовсе же не ходил по водам; ибо это совершенно невозможно людям, возможно же Единому Господу и тому кому Он дозволит это, как дозволил великому Апостолу Петру. Феодор рассказал это по смерти Амуна. Монахи, которым Антоний сказал о кончине Амуна, заметили день. И когда, через тридцать дней, пришли братия из Нитрии, то спросили их и узнали, что Амун почил в тот самый день и час, в который старец видел возносимую душу его. Те и другие много дивились чистоте души Антония и тому, как он совершившееся на расстоянии тринадцатидневного пути узнал в то же самое мгновение и видел возносимую душу.

61. Однажды комит Архелай, нашедши Антония на внешней горе, попросил его только помолиться о Поликратии, чудной и христоносной девственнице в Лаодикии. Страдала же она от чрезвычайных подвигов жестокою болью в чреве и боку и вся изнемогла телесно. Антоний помолился, а комит заметил день, в который принесена была молитва, и возвратясь в Лаодикию, нашел девственницу здоровою. Спросив же, когда и в какой день освободилась она от болезни, вынимает хартию, на которой записал время молитвы, и после ответа исцеленной показывает свою запись. Все удивились, узнав, что тогда Господь избавил ее от страданий, когда молился о ней и призывал на помощь Спасителю благодать Антоний.

62. Часто и об идущих к нему за несколько дней, даже за месяц, предсказывал Антоний, по какой причине идут они. Ибо одни приходили единственно для того, чтобы видеть его, другие по причине болезни, а иные, потому что страдали от бесов. И трудность путешествия никто не почитал для себя бременем и не жалел о трудах, потому что каждый возвращался, чувствуя пользу. Когда же было Антонию подобное видение и рассказывал он об этом, — всегда просил, чтобы никто не удивлялся ему в том, дивился же бы паче Господу, Который нам, человекам, даровал возможность познавать Его по мере сил наших.

63. Как-то раз, когда Антоний пришел в монастыри, бывшие на внешней горе, его упросили взойти на корабль и помолиться с монахами. Он один почувствовал сильное и весьма отвратительное зловоние. Бывшие на корабле говорили, что есть тут рыба и соленое мясо, оттого и запах, но Антоний сказал, что это зловоние иного рода. Пока еще говорил он, возопил вдруг юноша, одержимый бесом, который, войдя на корабль прежде других, скрывался на нем. Бес, по сделанному ему запрещению именем Господа нашего Иисуса Христа, вышел, а человек этот стал здоров, и все поняли, что зловоние было от беса.

64. И иной некто из людей знатных пришел к Антонию, имея в себе беса; бес этот был весьма лют; одержимый им не знал, что приведен к Антонию, и пожирал извержения тела своего. Приведшие просили Антония помолиться о бесноватом. Антоний из сострадания к юноше молится и всю ночь проводит с ним во бдении. Перед рассветом юноша, внезапно устремившись на Антония, повергает его на землю, и когда пришедшие с ним вознегодовали на это, Антоний говорит им: «Не сердитесь на юношу, виноват не он, но живущий в нем бес. Поелику наложено на него запрещение и велено ему идти в места безводные, то пришел он в ярость и поступил так со мною. Поэтому прославьте Господа. Ибо такое устремление на меня юноши было для вас знамением, что бес вышел». Когда говорил еще это Антоний, юноша уже стал здоров и, наконец, образумившись, узнал, где он, и приветствовал старца, принося благодарение Богу.

65. Весьма многие из монахов согласно и одинаково рассказывали, что совершенно Антонием много и иного сему подобного. Но это еще не так чудно, как следующее, которое пред всем иным кажется наиболее чудным. Однажды, встав помолиться, перед вкушением пищи около девятого часа, Антоний ощущает в себе, что он восхищен умом, а что всего удивительнее, видит сам себя, будто бы он вне себя, и кто-то как бы возводит его по воздуху; в воздухе же стоят какие-то угрюмые и страшные лица, которые хотят преградить ему путь к восхождению. Поскольку же путеводители Антониевы сопротивлялись им, то требуют они отчета — не подлежит ли Антоний какой-либо ответственности перед ними, а поэтому хотят вести счет с самого его рождения. Но путеводители Антониевы воспрепятствовали тому, говоря: «Что было от рождения его, то изгладил Господь; ведите счет с того времени, как сделался он иноком и дал обет Богу». Тогда, поскольку обвинители не могли уличить его, свободен и невозбранен сделался ему путь. И вдруг видит он, что как бы возвращается и входит сам в себя, и снова делается прежним Антонием. Забыв о вкушении пищи, остаток дня и целую ночь проводит он в воздыханиях и молитве, пораженный видением того, со сколь многими врагами предстоит нам брань и с какими трудами должно человеку проходить по воздуху. И тогда пришло ему на память, что в этом именно смысле сказал Апостол: по князю власти воздушныя ([Еф. 2:2](#)). Ибо враг имеет в воздухе власть вступать в борьбу с проходящими по оному, покушается преграждать им путь. Почему наипаче и советовал Апостол: примите вся оружия Божия, да возможете противитися в день лют ([Еф. 6:13](#)), чтобы посрамился враг, ничтоже имея глаголати о нас укорно ([Тит. 2:8](#)). А мы, слыша это, приведем себе на память Апостола, который говорит: аще в теле, не вем, аще ли кроме тела, не вем, Бог весть ([2 Кор. 12: 2](#)). Но Павел восхищен был до третьего Неба, и нисшел оттоле, услышав неизреченные глаголы, Антоний же видел себя проходящим по воздуху и боровшимся там, пока не оказался свободным.

66. Антоний имел еще и такой дар. Во время пребывания своего на горе в уединении, если иногда, предложив сам себе какой-либо вопрос, приходил в недоумение, то, по Божию промыслению, во время молитвы бывало ему о том откровение, и блаженный, по написанному, был научаем Богом ([Ис. 54:13](#), [Ин. 6:45](#)). Так, однажды вел он разговор с пришедшими к нему о состоянии души по смерти и о том, где будет ее местопребывание. В следующую ночь зовет его некто свыше, говоря: «Встань, Антоний, выйди и посмотри». Антоний выходит (ибо знал, кому должно повиноваться) и, возведя взор, видит, что стоит кто-то высокий, безобразный и страшный, касаясь главою облаков, и что восходят еще некие, как бы окрыленные, и первый простирает к последним руки и одним преграждает путь, другие же перелетают через него и, миновав его, безбедно уже возносятся вверх. На последних великан этот скрежещет зубами, о тех же, которые падают вниз, радуется. Вдруг Антонию говорит голос: «Уразумей видимое». Тогда отверзся ум его и уразумел он, что это есть прехождение душ, что стоящий великан есть враг, завидующий верным, и он подпадших власти его удерживает и возбраняет им идти далее, но не может задержать непокорившихся ему, потому что они проходят выше его. Увидев это и такое видение прирав как бы за напоминание себе, Антоний стал прилагать вящее старание, чтобы ежедневно преуспевать в прежних подвигах. Объявлял же он о таких видениях неохотно. Но поскольку бывшие с ним, когда видели, что он долее обыкновенного молится и выглядит удивленным, спрашивали его и докучали ему своими вопросами, то принужден бывал отвечать им, как отец, который ничего не может скрыть от детей; притом полагал он, что совесть его остается чиста, а им рассказ его послужит на пользу, когда узнают, что подвижничество имеет благие плоды и что видения нередко бывают утешением в трудах.

67. Антоний был терпеливого нрава и имел смиренномудрое сердце. При всей духовной высоте своей, чрезвычайно уважал церковное правило и всякому церковнослужителю готов был отдавать перед собою предпочтение. Не стыдился преклонять главу перед епископами и

пресвитерами. Если когда приходил к нему какой диакон ради пользы своей, он предлагал ему слово на пользу, но совершение молитв предоставлял диакону, не стыдясь учиться и сам. Нередко предлагал вопросы и желал слушать пребывающих с ним; сознавался, что и сам получает пользу, если кто скажет что-либо полезное. И лицо его имело великую и необычайную приятность. Приял же Антоний от Спасителя и сие дарование: если бывал он окружен множеством монахов, и кому-нибудь, не знавшему его прежде, желательно было видеть его, то, миновав других, он прямо подходил к Антонию, как бы привлекаемый взором его. Среди других выделялся Антоний не ростом и взрачностью, но благонравием и чистотою души. Поскольку душа была безмятежна, то и внешние чувства оставались невозмущаемыми, а потому от душевной радости весело было и лицо, и по движениям телесным можно было ощущать и уразумевать спокойствие души, согласно с написанным: сердцу веселящемуся, лице цветет, в печалех же сущу, сетует ([Притч. 15:13](#)). Так Иаков узнал, что Лаван замышляет худое, и сказал женам своим: несть лице отца вашего, якоже вчера и третияго дне ([Быт. 31:5](#)). Так Самуил узнал Давида, потому что радостотворны были очи его и зубы белы, как молоко. Так узнавали и Антония, потому что при душевном спокойствии никогда не возмущался, и при радостном состоянии духа никогда не бывал мрачен.

68. Весьма чуден был он по вере и благочестив. Никогда не имел общения с отщепенцами мелетианами, зная давнее их лукавство и отступничество, не беседовал дружески с манихеями, или с другими еретиками, разве только для вразумления, чтобы обратились к благочестию. И сам так думал, и другим внушал, что дружба и беседа с еретиками — вред и гибель душе. Гнушался также и арианской ересью, и всякому давал заповедь не сближаться с арианами и не иметь их зловерия. Когда приходили к нему некоторые из ариан, то, испытав и изведав, что они иночествуют, прогонял с горы, говоря, что речи их хуже змеиного яда.

69. Однажды ариане распустили ложный слух, будто и Антоний одинаковых с ними мыслей. Тогда вознегодовал он и раздражился против них, затем, по просьбе епископов и всей братии, сошел с горы и, прибыв в Александрию, осудил ариан, сказав, что арианство есть последняя ересь и предтеча антихриста. Народ же он поучал, что «Сын Божий не тварь и не из не-сущих, но есть вечное Слово и Премудрость Отчей сущности. А посему нечестиво — говорить о Сыне: было, когда Его не было. Ибо Слово всегда соприсуще Отцу. Поэтому, не имейте никакого общения с нечестивейшими арианами. Ибо нет никакого общения свету ко тьме ([2 Кор. 6:14](#)). Как вы, благочестиво верующие, именуетесь христианами, так они, именующие тварью Сущего от Отца Божия Сына и Отчее Слово, ничем не отличаются от язычников, служа твари паче сотворшего Бога. Верьте же, что даже и вся тварь негодует на них за то, что Творца и Господа вселенной, Имже вся быша, сопричисляют к существам сотворенным».

70. Весь народ радовался, слыша, что такой муж анафематствует христорборную ересь. Все жители города сходились видеть Антония. Даже язычники и так называемые их жрецы приходили в храм Господень, говоря: «Желаем видеть человека Божия». Ибо так называли его все. И здесь Господь через него освободил многих от бесов и исцелил повредившихся в уме. Многие даже из язычников желали хотя бы прикоснуться к старцу, уверенные, что получают от сего пользу. И действительно, в эти немногие дни столько людей обратилось в [христианство](#), сколько в иные времена обращалось в продолжение года. Иные думали, что стечение народа беспокоит его, и потому отгоняли от него всех проходящих, но невозмущаемый ничем Антоний сказал: «Число проходящих не больше числа демонов, с которыми ведем брань у себя на горе». Когда же Антоний покидал гору и мы сопровождали его, то как только дошли до городских врат, одна женщина воскликнула позади нас: «Остановись, человек Божий! Дочь мою жестоко мучит бес. Остановись, умоляю тебя, чтобы и мне, спеша за тобою, не потерпеть беды». Старец,

услышав это и упрощенный нами, охотно остановился. Когда женщина приблизилась, дочь ее повергнута была на землю, но Антоний помолился и призвал имя Христово. Тотчас отроковица встала здоровою, потому что вышел из нее нечистый бес. Мать благословляла Бога, и все воздавали Ему благодарение. Сам же Антоний радовался, возвращаясь в гору, как в собственный свой дом.

72. Был же он весьма разумен и, что удивительно, не учась грамоте, отличался тонкостью и пронизательностью ума. Однажды пришли к нему два языческих философа, думая, что могут искусить Антония. Был же он на внешней горе и, догадавшись по лицу шедших, какие это люди, вышел к ним и сказал через переводчика: «Почему столько беспокоитесь вы, философы, для человека несмысленного?» Когда же ответили они, что Антоний человек вовсе не несмысленный, а напротив того — весьма умный, тогда продолжал он: «Если шли вы к человеку несмысленному, то напрасен труд ваш. А если почитаете меня разумным, то будьте такими же, каков я, потому что хорошему должно подражать. Если бы и я пришел к вам, то вам стал бы подражать. Если же вы ко мне пришли, то будьте такими же, каков я, а я — христианин». Философы удалились в удивлении. Они видели, что и демоны боятся Антония.

73. Когда как-то встретились с ним на внешней горе иные, подобные сим философам, и думали осмеять его в том, что не учится он грамоте, то Антоний спросил их: «Как скажете, что первоначальнее — ум или письмена? И что чему причиною: ум ли письменам, или письмена уму?» Поскольку же ответили они: ум первоначальнее, и он изобретатель письмен, то Антоний сказал: «Поэтому, в ком здравый ум, тому не нужны письмена». Этот ответ поразил и философов, и всех бывших при сем, и они ушли, дивясь, что в неученом нашли такую пронизательность. Ибо Антоний, возросший и состарившийся на горе, не грубый имел нрав, а напротив того — был приятен и обходителен. Слово его пропитано было Божественною солью, а потому, никто не имел к нему ненависти, все же приходившие к нему паче о нем радовались.

74. И действительно, когда после сего пришли к нему еще несколько язычников, почитавшихся мудрецами, и потребовали у него слова о вере нашей во Христа, имели же намерение войти в рассуждение о [проповеди](#) Божественного Креста, чтобы посмеяться, то Антоний, помолчав немного и сперва пожалев об их невежестве, сказал им через переводчика, верно передававшего слова его: «Что лучше, исповедовать ли Крест, или так называемым вашим богам приписывать блудодеяния и деторастление? Проповедуемое у нас есть доказательство мужества и знак презрения смерти, а чему учите вы, то заражено непотребством. Притом, что лучше: сказать ли, что Слово Божие не изменилось и, пребывая одним и тем же, к благодетельствованию человеков и для спасения их, восприяло на Себя человеческое тело, чтобы, приобщившись к бытию человеческому, соделать людей участниками Божественного и духовного естества, или Божество уподоблять бессловесным, и потому, чествовать животных четвероногих, пресмыкающихся и человеческие изображения? А таковы чтилища ваших мудрецов! Как же осмеливаетесь вы насмехаться над нами, которые говорим, что Христос явился человеком, когда сами, сводя душу с неба, утверждаете, что она блуждает и с небесного свода ниспадает в тело? И пусть бы еще ниспадала только в тело человеческое, а не переходила и не переселялась в четвероногих и пресмыкающихся! Наша вера говорит о пришествии Христовом для спасения человеческого, а вы заблуждаетесь, потому что толкуете о душе нерожденной. Мы рассуждаем о всемогуществе и человеколюбии Промысла, потому что и сие не невозможно Богу, а вы, называя душу образом ума, приписываете ей падения и суесловите, что она превратна, а наконец, по причине превратности души, допускаете, что и самый ум превратен. Ибо каков образ, таким необходимо быть и тому, чей он образ. Поелику же так думаете об уме, то размыслите, не хулите ли через это и Того, Кто Отец уму».

75. «А если говорить о Кресте, то что признаете лучшим: претерпеть ли Крест по

злоумышлению людей лукавых и не ужасаться какого бы то ни было рода смерти, или слагать басни о странствиях Озириса и Изиды, о кознях Тифона, о бегстве Крона, о поглощении детей и о б отцеубийствах? Ибо это — ваши мудрования. Почему же, посмеиваясь Кресту, не удивляетесь Воскресению? Ибо сказавшие одно написали и другое. Или почему, упоминая о Кресте, умалчиваете о воскрешенных мертвецах, о прозревших слепцах, об исцелении расслабленных, об очищенных прокаженных, о хождении по морю и других знамениях и чудесах, показывающих, что Христос не человек, но Бог? Мне кажется, что вы весьма несправедливы сами к себе и не читали с искренним расположением наших Писаний. Прочтите же, и увидите: дела, совершенные Христом, доказывают, что Он Бог, пришедший для спасения человеков».

76. «Скажите же и вы нам свое учение. Что можете сказать о бессловесных, кроме того, что они неразумны и свирепы? Если же, как слышу, вознамеритесь утверждать, будто бы все это говорится у вас приточно, и похищение девы есть иносказание о земле, хромой Гефест — об огне, Гера — о воздухе, Аполлон — о солнце, Артемида — о луне, Посейдон — о море: и в этом случае чувствуете вы не самого Бога, но, вместо сотворшего все Бога, служите твари. Ибо, если сложили вы подобные басни по той причине, что тварь прекрасна, то должно было только удивляться тварям, а не боготворить их, чтобы чести, подобающей Создателю, не воздать созданиям. Иначе, следует вам честь, принадлежащую зодчему, воздавать сооруженному им дому или честь, принадлежащую военачальнику, воздавать воину. Что скажете на это, из чего могли бы мы узнать, точно ли Крест имеет в себе что-либо достойное осмеяния?»

77. Поскольку же они были в недоумении и обращались туда и сюда, то Антоний, улыбнувшись, сказал еще через переводчика: «Хотя с первого взгляда видно это само собою, однако же, поскольку опираетесь вы более на доказательство их разума и, владея сим искусством, требуете, чтобы и наше богочестие было не без доказательств от разума, то скажите мне прежде всего: каким образом приобретается точное познание о вещах и преимущественно ведение о Боге — посредством ли доказательств от разума, или посредством действительности веры? И что первоначальнее: действительная ли вера или разумное доказательство?» Когда же ответили они, что действительная вера первоначальнее и что она есть точное ведение, тогда сказал Антоний: «Хорошо говорите вы. Вера происходит от душевного расположения, а диалектика от искусства ее составителей. Поэтому, в ком есть действительность веры, для того не необходимы, а скорее излишни доказательства от разума. Ибо что уразумеваем мы верою, то вы пытаетесь утверждать из разума и часто бываете не в состоянии выразить то словом, что мы разумеем ясно, а посему действительность веры лучше и тверже ваших велемудрых умозаключений».

78. «Итак, у нас, христиан, таинство боговедения не в мудрости языческих умствований, но в силе веры, даруемой нам от Бога Иисусом Христом. И истинно слово мое, ибо вот ныне мы, не учившись письменам, веруем в Бога, из творений познавая Его о всем Промышление. И действительна вера наша, ибо вот ныне мы утверждаемся в вере во Христа, а вы на велемудрых словопрениях. И ваши идолы не чудодействуют более, а наша вера распространяется повсюду; и вы своими умозаключениями и своим велемудрием никого не совращаете из христианства в язычество, а мы, уча вере во Христа, отвращаем людей от вашего суеверия, потому что все признают Христа Богом и Сыном Божиим. Вы своим красноречием не можете положить преград учению Христову, а мы именем Христа распятого прогоняем всех демонов, которых страшитесь вы, как богов, и где знамение крестное, там изнемогает чародейство, бездейственно волшебство».

79. «Скажите, где теперь ваши прорицалища? Где египетские волхвования? Где призраки чародеев? Когда все это прекратилось и утратило силу? Не с того ли времени, как явился Крест Христов? Поэтому, он ли достоин посмеяния, или более смешно то, что им попрано и обличено

в немощи? И то еще удивительно, что ваша вера никогда не была гонима, но чувствуется людьми в городах; исповедники же Христовы гонимы, и, однако же, наша вера паче вашей цветет и распространяется. И ваша вера, хвалимая и прославляемая, гибнет, а вера христианская и учение Христово, вами осмеиваемые и часто гонимые царями, наполнили собою вселенную. Ибо когда просияло так боговедение? Или, когда появились в такой силе целомудрие и добродетель девства? И когда люди в такой мере стали презирать смерть? Не со времени ли Креста Христова? Никто не усомнится в этом, видя мучеников, ради Христа презирающих смерть, видя дев церковных, ради Христа сохраняющих тела свои чистыми и неоскверненными?»

80. «И этих доводов достаточно в доказательство, что вера Христова есть единое истинное богочестие. Доныне еще нет веры у вас, ищущих доказательств от разума. А мы, как сказал учитель наш, не в препретельных языческой премудрости словесех ([1 Кор. 2:4](#)) ищем доказательств, но ясно убеждаем верою, предваряющею построения разума. Вот и здесь находятся страждущие от демонов». — В числе пришедших к Антонию были и мучимые бесами, и Антоний, изведя их на середину, сказал: «Или вы своими умозаключениями и каким угодно искусством и чародейством, призвав идолов ваших, изгоните из них бесов, или, если не можете, перестаньте препираться с нами и увидите силу Креста Христова». Сказав это, призвал он имя Христово, в другой и в третий раз запечатлел страждущих крестным знаменем, и вдруг они избавились от страданий, стали здравы умом и возблагодарили наконец Господа. А так называемые философы дивились и подлинно изумлялись, видя и благоразумие Антония, и совершенное им чудо. Антоний же сказал им: «Что дивитесь сему? Не мы делаем это, творит же сие Христос через верующих в Него. Посему и вы уверуйте; тогда увидите, что у нас не искусство владеть словом, но вера, сильная действенною ко Христу любовью. Если бы и вы имели веру сию, то не стали бы искать доказательств от разума, но почли бы достаточною для себя веру во Христа». Так говорил Антоний. Они же с удивлением удалялись, лобзая Антония и сознавая, что приобрели от него пользу.

81. Слух об Антонии дошел и до царей. Константин Август и сыновья его Констанций и Констант Августы по слуху сему писали к нему, как к отцу, и желали получить от него ответ. Но для Антония немного значили и царские письма, не восхитился он этими посланиями, но пребыл таким же, каким был и прежде, нежели писали к нему цари. А когда принесли к нему эти послания, созвал он монахов и сказал: «Не дивитесь, если пишет к нам царь, потому что и он человек, но дивитесь паче тому, что Бог написал людям закон и глаголал к ним через собственного Сына Своего». Поэтому думал он не принять писем, говоря: «Не умею отвечать на подобные писания». Но монахи рассудили, что цари эти суть христиане и могут соблазниться, если письма будут отринуты; посему дозволил прочесть и отвечал на эти послания, восхваляя царей за то, что поклоняются Христу, и дал им спасительные советы не высоко ценить настоящее, но памятовать паче о будущем Суде и ведать, что Христос есть единый истинный и вечный Царь; просил также царей быть человеколюбивыми, заботиться о правде и о нищих. И они с радостью приняли ответ. Так был он возлюблен всеми, так все желали иметь его отцом.

82. Обретя такую известность и наставив подобными советами приходивших, снова возвратился он во внутреннюю гору и проводил время в обычных своих подвигах. Нередко, сидя или прохаживаясь с пришедшими к нему, бывал в ужасе, как пишется о Данииле ([Дан. 4:16](#)), а, по прошествии некоторого времени опять продолжал беседу свою с бывшими при нем братьями. И они догадывались, что Антонию было какое-либо видение. Ибо нередко, пребывая в горе, видел он, что делалось в Египте, и пересказывал это епископу Серапиону, который был тогда при Антонии и примечал, что Антонию было видение. Однажды, сидя и занимаясь рукоделием, Антоний пришел как бы в восхищение и во время видения сильно вздыхал. Потом,

через несколько времени обратясь к бывшим при нем, воздохнул и трепеща всем телом, начал молиться, преклонив колена, и долго оставался в таком положении. Встав же, старец стал плакать. Поэтому, бывшие при нем, приведенные в трепет и великий страх, изъявили желание узнать это видение и долго донимали его просьбами, пока не вынудили сказать. И сильно воздохнув, произнес он: «Лучше, чада, умереть, пока не исполнилось видение». Поскольку же они снова стали упрашивать, то, залившись слезами, сказал: «Гнев постигнет Церковь, будет она предана людям, которые подобны скотам бессловесным. Ибо видел я трапезу храма Господня и кругом нее отовсюду стоящих мсков⁴, которые бьют в нее ногами, как обыкновенно делают бесчинно прыгающие и лягающиеся скоты. Конечно же заметили вы, продолжал он, как воздыхал я, ибо слышал голос, говорящий: «Осквернен будет жертвенник Мой». Такое видение было старцу. И через два года открылось у нас нынешнее нашествие ариан и расхищение церквей, когда ариане, с насилием похищая церковную утварь, носить ее заставляли язычников, когда язычники принуждаемы были оставлять свои работы и идти в собрания ариан, где те, в присутствии язычников, делали на святых трапезах, что хотели. Тогда-то все мы поняли, что ляганием мсков предуказано было Антонию то именно, что теперь, как скоты, неразумно делают ариане. После же того, как было Антонию это видение, утешал он бывших при нем, говоря: «Не унывайте, чада; как прогневался Господь, так и исцелит опять. И Церковь вскоре восприимет снова благолепие свое и обычную ей светозарность. Тогда увидите, что гонимые будут восставлены, нечестие снова удалится в норы свои, а благочестивая вера повсюду возвещается со всею свободой. Не оскверняйте только себя с арианами, потому что не Апостольское это учение, но бесовское, ведет начало от отца их диавола и, лучше сказать, так же бесплодно, неразумно, лишено правого смысла, как и бессловесные мски».

83. Таковы-то Антониевы деяния, и не должно повергать нас в неверие то, что столько чудес произведено человеком. Ибо Спаситель дал обетование, говоря: аще имате веру яко зерно горушно, речете горе сей: преиди отсюда тамо, и преидет, и ничтоже невозможно будет вам ([Мф. 17:20](#)); и еще: аминь, аминь глаголю вам, аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам. Просите, и примете ([Ин. 16:23-24](#)). Сам Господь говорит ученикам и всем верующим в Него: болящия исцеляйте, бесы изгоняйте: туне приясте, туне дадите ([Мф. 10:8](#)).

84. Антоний исцелял не повелительным словом, но молитвою и призыванием имени Христова, желая для всех соделать явственным, что творит это не он, но Господь через Антония являет Свое человеколюбие и исцеляет страждущих; Антонию же принадлежит только молитва и подвиги, ради которых, пребывая в горе, утешаем он был Божественными видениями. Он скорбел, что многие беспокоят и принуждают его оставлять гору. Обычно судьи просили его спуститься с горы, ссылаясь на невозможность самим им входить туда вместе с подсудимыми, а на самом деле желая только, чтобы пришел Антоний и можно было видеть его. Поэтому Антоний уклонялся от сего и отказывался ходить к ним. Но они настаивали и даже подсудимых посылали вперед в сопровождении воинов, чтобы хотя бы ради них сошел Антоний. Посему, вынуждаемый необходимостью и видя их жалобы, выходил он на внешнюю гору. И сей труд его бывал также не бесполезен напротив же того, пришествие его многим служило на пользу и было благодетельно. И судьям давал он полезные советы предпочитать всему правду, бояться Бога и знать, что каким судом сами судят, таким и судимы будут ([Мф. 7:2](#)). Впрочем, паче всего любил он пребывание в горе.

85. Посему, однажды, когда сильно побуждали его сойти с горы имеющие в нем нужду и долго просил о том один военачальник, Антоний пришел и, кратко побеседовав о том, что служит ко спасению и о потребностях нуждающихся, спешил идти назад. Поскольку же упомянутый военачальник стал просить, чтобы помедлил, сказал он, что не может долее оставаться с ними, и убедил в этом военачальника таким остроумным сравнением: «Как рыбы,

оставаясь долго на сухой земле, умирают, так и монахи, замедляя с вами и проводя время в вашем обществе, расслабевают. Поэтому, как рыбе должно спешить в море, так нам в гору, чтобы, промедлив у вас, не забыть того, что внутри». Военачальник, выслушав от него это и многое другое, в удивлении сказал: «Подлинно он раб Божий. Ибо откуда у человека некнижного быть такому великому уму, если бы не был он возлюблен Богом?»

86. Один же военачальник, по имени Валакий, немилосердно гнал нас, христиан, из усердия к злоименным арианам. Он был до того жесток, что бил дев, обнажал и наказывал бичами монахов. Антоний посылает к нему и пишет письмо в таком смысле: «Вижу грядущий на тебя гнев Божий. Перестань гнать христиан, иначе гнев постигнет тебя. Ибо он готов уже поразить тебя». Валакий, рассмеявшись, бросил письмо на землю и оплевал его, принесшим же нанес оскорбление и велел сказать Антонию следующее: «Поскольку заботишься о монахах, то дойду и до тебя». Но не прошло пяти дней, как постиг его гнев Божий. Валакий с Несторием, епархом египетским, отправился на первый ночлег от Александрии, именуемый Хереус; оба ехали на конях, принадлежавших Валакию, и кони эти были смиреннее всех, каких только держал он у себя. Не успели добраться до места, как начали кони по обычаю играть между собою, и самый смиренный из них, на котором ехал Несторий, вдруг начал кусать Валакия и до того зубами изгрыз ногу его, что немедленно отнесли его в город, а на третий день он умер. Тогда все удивились, что так скоро исполнилось Антониево предсказание.

87. Так вразумлял Антоний людей жестокосердых, других же, приходивших к нему, приводил в такое умиление, что немедленно забывали они о делах судебных и начинали ублажать отрекшихся от мирской жизни. За обиженных же Антоний предстательствовал с такой силой, что можно было подумать, будто бы терпит обиду сам он, а не другой кто. Притом, в такой мере умел он говорить на пользу каждому, что многие из людей военных и имеющих большой достаток слагали с себя житейские тяготы и делались в конце концов монахами. Одним словом, как врач, дарован он был Богом Египту. Ибо кто, если приходил к нему печальным, возвращался от него не радующимся? Кто, если приходил к нему проливающим слезы об умерших, не оставлял тотчас своего плача? Кто, если приходил гневным, не переменял гнева на приязнь? Какой нищий, пришедши к нему в унынии, и послушав его, и посмотрев на него, не начинал презирать богатства и не утешался в нищете своей? Какой монах, предававшийся нерадению, как скоро приходил к нему, не делался гораздо более крепким? Какой юноша, пришедши на гору и увидев Антония, не отрекался тотчас от удовольствий и не начинал любить целомудрие? Кто приходил к нему, искушаемый бесом, и не обретал себе покоя? Кто приходил к нему, смущаемый помыслами, и не находил тишины уму?

88. Великим плодом Антониева подвижничества было и то, что Антоний, как говорил я и выше, имея дар различения духов, узнавал их движения, и не оставалось для него неизвестным, к чему было рвение и стремление какого-либо духа. Не только сам он не бывал поруган бесами, но и смущаемых помыслами, утешая, учил, как нужно низлагать наветы врагов, рассказывая о немощи и коварстве их. Посему каждый отходил от него, укрепившись в силах, чтобы не боязненно противостоять умышлениям диавола и демонов его. Сколько дев, имевших уже у себя женихов, когда издали только увидели Антония, пребыли Христовыми девами! Приходили к нему и из чужих земель и, вместе со всеми получив пользу, возвращались, расставаясь как бы с отцом. И теперь, по его успении, все, оставшись как сироты после отца, утешаются одним воспоминанием о нем, храня в сердце наставления и увещания его.

89. А каков был конец жизни его, это достойно того, чтобы и мне самому вспомнить, и вам выслушать с любовью, потому что и в этом должно соревновать ему. Посещал он по обычаю монахов, живущих на внешней горе, и предуведомленный Промыслом о кончине своей, сказал братии так: «Последнее это мое посещение вам; и удивительно будет, если увидимся еще в

жизни сей. И мне время уже разрешиться, потому что близ ста пяти лет имею себя от роду». Братия, слыша это, плакали, обнимали и лобызали старца. А он, как бы из чужого города возвращаясь в свой, беседовал с ними весело и заповедал им трудиться неленостно и не унывать в подвиге, но жить, как бы ежедневно умирая, и, по сказанному выше, стараться охранять душу свою от нечистых помыслов, соревновать святым, не сближаться с отщепенцами мелетианами, зная лукавое и мерзкое их произволение, не иметь никакого общения с арианами, потому что их нечестие всякому явно. И если видите, что им покровительствуют судьи, не смущайтесь, потому что лжемудрие их прекратится, оно временно и непродолжительно. Посему храните себя паче чистыми от него, соблюдайте предание отцов, предпочтительно же всему благочестную веру в Господа нашего Иисуса Христа, какой научились вы из Писания и о какой часто напоминал я вам».

90. Когда же братия стали неотступно просить, чтобы у них остался и скончался, он не согласился на это, умалчав о многих причинах отказа, дав лишь понять, что важнее всех следующая. Египтяне имеют обычай — совершая чин погребения над телами скончавшихся уважаемых ими людей и особенно святых мучеников обвив их пеленами, не предавать земле, а возлагать на ложах и хранить у себя в домах, полагая, что этим воздают чествование отшедшим. Антоний многократно просил епископов запретить это мирянам, сам убеждал мирян и делал выговоры женщинам, говоря: «Незаконно это и вовсе не благочестно. Ибо тела Патриархов и Пророков доньше хранятся в гробницах, и самое тело Господне положено было во гроб, и приваленный камень скрывал оное, пока не воскресло в третий день». Говоря же это, показывал он, что незаконно поступает тот, кто тела скончавшихся, даже и святые, не предает по смерти земле. Ибо что досточестнее и святее Господня тела? Посему многие, выслушав это, стали потом тела умерших предавать земле и, научившись у Антония, благодарили за сие Господа.

91. Антоний же, зная этот обычай и опасаясь, чтобы не поступили так и с его телом, простившись с монахами, пребывавшими на внешней горе, поспешил отшествием и, пришедши во внутреннюю гору, где обыкновенно пребывал, через несколько месяцев впал в болезнь. Тогда, призвав бывших при нем (было же их двое: они жили с ним на внутренней горе, подвизаясь уже пятнадцать лет и прислуживая Антонию по причине старости его), сказал им: «Аз, как написано, отхожду в путь отцов ([Нав. 23:14](#)). Ибо вижу, что зовет меня Господь. А вы трезвитесь и не погубите многолетних наших подвигов, но как начали теперь, так и старайтесь соблюсти свое усердие. Знаете злокозненность демонов, знаете, как они жестоки, но немощны в силах. Поэтому, не бойтесь их, но паче укрепляйтесь всегда о Христе и веруйте в Него; живите, как бы ежедневно умирая, будьте внимательны к себе самим, помните наставления, какие слышали от меня. Да не будет у вас никакого общения с отщепенцами и особенно с еретиками арианами. Ибо знаете, сколь и я избегал их за христорборную и иномысленную их ересь. Старайтесь же паче пребывать всегда в единении между собою, а преимущественно с Господом и потом со святыми, да примут они и вас по смерти в вечные кровы, как друзей и знакомых. О сем помышляйте, сих держитесь мыслей, и если имеете попечение о мне и помните, как об отце, то не попустите, чтобы кто-либо взял тело мое в Египет и положил у себя в доме; во избежание сего удалился я в гору и пришел сюда. Знаете, как всегда порицал я делающих это и убеждал оставить такой обычай. Предайте тело мое погребению и скройте под землю. Да соблюдено будет вами сие мое слово, чтобы никто не знал места погребения тела моего, кроме вас одних, потому что в воскресение мертвых приму оное от Спасителя нетленным. Разделите одежды мои: епископу Афанасию отдайте одну милоть ⁵ и подостланную подо мною одежду — она им мне дана новая и у меня обветшала, а епископу Серапиону отдайте другую милоть, власяницу возьмите себе. Прощайте, чада, Антоний преселяется, и не будет его более с вами!»

92. Сказав это, когда облобызали его бывшие при нем, Антоний протянул ноги и, как бы

видя пришедших к нему друзей и обрадованный прибытием их (ибо возлежал с веселым лицом), скончался и приложился к отцам. Братия же, как дал им заповедь, совершив чин погребения, обвив тело, предали его земле, и, кроме их двоих, доньше никто не знает, где оно погребено. Каждый из получивших хранит милоть блаженного Антония и изношенную им одежду, как нечто великое. Ибо взирать на сие значит как бы видеть самого Антония, а носить это на себе значит как бы с радостью исполнять его наставления.

93. Таков был конец Антониевой жизни в теле, и таково начало его подвижничества. И хотя повествование сие малозначительно в сравнении с Антониевыми добродетелями, однако же и из сего заключаите, каков был Божий человек Антоний. С юных лет и до такого возраста соблюдавший равное усердие к подвижничеству, ни по старости не обольщавшийся дорогими снедями, ни по немощи тела своего не изменявший вида своей одежды или даже не обмывавший ног водою. Ни в чем однако же не потерпел он вреда. Глаза у него были здоровы и невредимы, и видел он хорошо. Не выпало у него ни одного зуба, а только ослабли они в деснах от преклонных лет старца. Здоровы были у него руки и ноги. Одним словом, казался бодрее и крепче всякого, пользующегося разнообразными снедями, омовениями и различными одеждами. А что всюду говорили о нем, все удивлялись ему, даже не выдавшие любили его, это служит доказательством его добродетели и боголюбивой души. Ибо не сочинениями и внешнею мудростию, не каким-то искусством, но единым богочестием стал известен Антоний. И никто не станет отрицать, что это был Божий дар. Ибо как иначе в Испанию, в Галлию, в Рим и в Африку дошел бы слух о человеке, который скрывался и жил в горе, если бы не Бог содействовал повсюду известными рабов Своих, что и Антонию обещал Он еще вначале? Хотя сами отшельники делают все тайно и желают быть сокрытыми, но Господь делает их видимыми для всех, подобно светильникам, чтобы, слыша о них, знали, как могут заповеди приводить к преспеянию, и возревновали идти путем добродетели.

94. Поэтому прочтите сие жизнеописание и другим братиям, пусть узнают, какова должна быть жизнь иноческая, и пусть убедятся, что Господь и Спаситель наш [Иисус Христос](#) прославляет прославляющих Его и служащих Ему до конца не только вводит в Небесное Царствие, но и здесь, сколько бы ни утаевались и ни старались пребывать в уединении, содействует повсюду известными и славными ради добродетели их и ради пользы других. Если же потребует нужда, прочтите это и язычникам; пусть и они таким образом познают, что не только Господь наш Иисус Христос есть Бог и Сын Божий, но и искренне служащие Ему и благочестно верующие в Него христиане тех самых бесов, которых язычники почитают богами, не только избобличают, что они не боги, но как обольстителей и растлителей человека, попирают и прогоняют о Христе Иисусе Господе нашем. Ему слава во веки веков! Аминь.

Примечания

Арура — египетская мера земли во сто локтей.

В переводе Евагрия (IV в.) читается «недалеко». — /А.Ш./

КОПТСКОМ.

Мска — мул.

Милоть — верхняя одежда монахов в древних обителях.